

2-й годъ изданія.

0271

СѢВЕРНЫЙ ГУСЛЯРЪ

Еженедѣльникъ молодой надпартий-
ной интеллигенціи

№ 5.

Вся чистая прибыль идетъ

въ пользу семей павшихъ

въ бою воиновъ.

ПЕТРОГРАДЪ.

10 коп.

Продолжается подписка на 1915 г.

на торгово-промышленную, общественную и литературную газету

„ВѢСТНИКЪ РЫБИНСКОЙ БИРЖИ“

(Издание Рыбинскаго Биржевого Комитета).

(годъ четырнадцатый).

Газета выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

„Вѣстникъ Рыбинской Биржи“ ставитъ на первомъ планѣ сообщеніе фактовъ и разработку вопросовъ промышленности и торговли, и въ этомъ отношеніи удѣляетъ преимущественное вниманіе торгово-промышленной жизни на Волгѣ и ея притокахъ, причемъ вопросы хлѣбной торговли въ этомъ районѣ занимаютъ въ газетѣ первенствующее мѣсто. О хлѣбныхъ цѣнахъ помѣщаются спеціальныя телеграммы Петроградскаго Агентства и кромѣ того сообщенія собственныхъ корреспондентовъ, а также биржевыхъ комитетовъ и земскихъ управъ. При этомъ обращено особое вниманіе на ежедневную регистрацію хлѣбныхъ сдѣлокъ на биржѣ. Въ виду важности водныхъ путей для торговыхъ оборотовъ на Рыбинской биржѣ, „Вѣстникъ“ имѣетъ особый отдѣлъ постоянныхъ, въ теченіе навигаціи, сообщеній объ условіяхъ судоходства на Волгѣ, ея притокамъ и Мариинской системѣ. Разнообразный по своимъ политическимъ воззрѣніямъ составъ Биржевого Об-ва вынуждаетъ имѣть безпартійный органъ, въ виду чего „Вѣстникъ Биржи“ совсѣмъ отказался отъ партійной политики, но при этомъ онъ обязательно будетъ отзываться на всѣ выдающіяся явленія государственной и общественной жизни, а также на важнѣйшія событія въ международныхъ отношеніяхъ. Подписная цѣна безъ доставки 6 руб. въ годъ. Съ доставкой въ Рыбинскъ: на годъ 7 р., на 6 мѣсяцевъ 3 р. 75 к., на 3 мѣсяца 1 р. 90 к., на 1 мѣсяць 65 к. Съ пересылкою иногороднимъ: на годъ 8 р., на 6 мѣсяцевъ 4 р. 50 к., на 3 мѣсяца 2 р. 30 к., на 1 мѣсяць 85 к. Г.г. иногородніе члены Рыбинскаго Биржевого Общества, подписавшіеся на газету „Вѣстникъ Рыбинской Биржи“ срокомъ на годъ, платятъ только 6 рублей съ доставкой и пересылкою, а проживающіе въ г. Рыбинскѣ 5 рублей. Плата за объявленія: на 1-й страницѣ 20 коп., на 4-й страницѣ 10 коп. за строку петита. За объявленія на продолжительные сроки и сезонныя, а также по спросу и предложенію труда плата по соглашенію. Въ виду того интереса, какой представляютъ разсматривающіеся въ данное время очередные вопросы о постройкѣ открытаго затона, элеватора и о выпрямленіи лѣваго берега р. Волги противъ Рыбинска, редакціей изданъ планъ г. Рыбинска съ видами города. Цѣна плана въ отдѣльной продажѣ 1 руб., для подписчиковъ 40 коп., съ пересылкою 50 коп. Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ редакціи, г. Рыбинскѣ, зданіе Биржи.

Редакторъ *И. П. Виноградовъ.*

Открыта подписка на 1915 г. на

ежемесячный сельскохозяйственный журналъ

„ВѢСТНИКЪ“

Псковскаго общества сельскаго хозяйства

4-й годъ изданія.

Въ задачи журнала, главнымъ образомъ, входитъ распространеніе въ общедоступной формѣ сельско-хозяйственныхъ знаній въ средѣ мелкихъ хозяевъ—крестьянъ и хуторянъ—и ихъ ознакомленіе съ дѣятельностью правительства и земства и съ тѣми общественно-экономическими условіями, въ зависимости отъ которыхъ складывается жизнь и дѣятельность сельскаго хозяина. Россія велика, условія ея жизни, климата, почвы и т. д. чрезвычайно разнообразны, и совѣты, пригодные для юга Россіи, совершенно не будутъ подходить для сѣверной полосы Россіи и на оборотъ. Въ вѣстникѣ будутъ печататься статьи, преимущественно имѣющія мѣстное значеніе и въ частности пригодныя для сѣвернаго района. Всѣ печатаемые статьи будутъ освѣщены съ точки зрѣнія данныхъ естественно—историческихъ условій, основанныхъ на выводахъ опытно показательныхъ учреждений, а также проверенныхъ самими хозяевами и носящихъ чисто практической характеръ. Наряду со статьями спеціальнаго характера, обнимающими технику и организацію сельскаго хозяйства, редакція большое вниманіе удѣлитъ и вопросамъ экономическаго характера. Особое вниманіе будетъ удѣлено коопераціи. Съ этою цѣлью въ постоянномъ отдѣлѣ будутъ печататься отчеты о дѣятельности мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, кредитныхъ и потребительныхъ товариществъ и т. д. Зная, что у мѣстныхъ сельскихъ хозяевъ и крестьянъ есть много такихъ въ ихъ жизни дѣлъ, въ коихъ они не знаютъ, какъ поступить и у кого спросить совѣта, Редакція предлагаетъ всѣмъ подписчикамъ „Вѣстника“ присылать ему свои вопросы по тѣмъ или другимъ интересующимъ ихъ дѣламъ. Совѣты свѣдущихъ лицъ на эти вопросы будутъ печататься безъ промедленія. Такъ какъ „Вѣстникъ Общества Сельскаго Хозяйства“ не является коммерческимъ предпріятіемъ, а издается исключительно съ цѣлью содѣйствовать улучшенію мѣстнаго сельскаго хозяйства, и Общество, съ своей стороны, на изданіе журнала затрачиваетъ значительныя средства, цѣна установлена всего лишь 1 руб. за годъ или 50 коп. за 1/2 года съ пересылкою. Подписныя деньги слѣдуетъ выслать въ г. Псковъ, на имя Псковскаго Общества Сельскаго хозяйства, Новгородская ул., д. Граудумъ (можно и почтовыми марками). Для общенія подписчиковъ между собою, въ вѣстникѣ открытъ отдѣлъ „Спросъ и Предложеніе“, въ коемъ каждый подписчикъ имѣетъ право помѣстить свое извѣщеніе, предложеніе или спросъ чего нибудь, размѣромъ въ 10 строкъ, одинъ разъ, бесплатно. Мѣстные кооперативы журналъ получаютъ бесплатно, а также и всѣ члены Общества, уплатившіе свои членскіе взносы 1 руб. въ годъ.

Редакторъ, Предсѣдатель Общества *А. А. Малаховскій.*

Секретарь редакціи, Ст. инструкторъ по С. Х. части *Ф. П. Казекъ.*

Редакція проситъ нуждающихся т. т.—студентовъ и курсистокъ вступать въ число продавцовъ журнала. Объ условіяхъ справитесь въ редакціи отъ 5—9 ч. вечера.

Съвержый Тусляръ

0271

Адресъ конторы и редакціи: Петрогр. Стор. Б. Зеленина, д. 8, кв. 20. Контора открыта ежедневно съ 5 до 9 ч. веч. Редакція—отъ 6 до 8 час. веч. Тел. 530-66.

№ 5. 2-й годъ изданія. 25 Февраля 1915 г.

СОДЕРЖАНІЕ: Впечатлѣнія литературы и жизни, Клавд. Прудовскаго.—Современная любовь, П. Римуса.—Символическое творчество и любовь, А. Туфанова.—Гармоника Гараморта, К. Жакова.—Стих., А. Симеоновой.—Жизнь, сонъ и сказка, Василя Яшина. Темница (стих.), Глѣбъ Будный.—Изъ записокъ ненормальнаго человѣка, Нелли.—Кошмаръ (стих.), А. Левина.—Келья матери Досифеи, Е. Коровиной.—Стих., С. Раевской.—Стих., А. Симеоновой.—А счастье улыбалось, Е. Любарскаго.—Стих., А. Симеоновой.—Въ туманѣ, А. Бѣлозерова.—Жизнь высшей школы.—Отчетъ редакціи.

Впечатлѣнія литературы и жизни.

О литературномъ безразличіи.

Клавдій Прудовскій.

„Читать нечего. Душно. Гдѣ же выходъ? Нечего читать... и не потому, что нѣтъ книгъ. Нѣтъ, они есть. Ихъ много и даже слишкомъ много. Но холодно среди нихъ. Жутко, страшно, пусто въ бесѣдѣ съ ними“.

„Что дѣлать—скажите? что дѣлать, вѣдь я одна. Я не могу больше. Гдѣ же жизнь-то?... Книги! О только не это, только не книги. Мнѣ тяжело ихъ читать и еще тяжелѣе за тѣхъ, кто ихъ пишетъ. Зачѣмъ онѣ? Кому онѣ нужны бездушныя, мертвыя, чуждыя“...

„Или я, или писатель... сходимъ съ ума. Какой-то сумбуръ, какое-то всеоб-

щее умственное развращеніе (?!). Нѣтъ прочь, прочь отъ подобной литературы. Она и мы чужды другъ другу, не понимаемъ одинъ другого“... и т. д. и т. д.

— Читатель! Это выписки изъ писемъ провинціи. Это жалобы одинокихъ, это стоны медвѣжьихъ угловъ, безсильныя проклятыя разбитыхъ. Изъ глухой захолустной Голодаевки, съ занесенной снѣжными сугробами Непробудновки, летятъ эти жалобныя стоны въ столицу, настойчиво заявляя о своей заброшенности и одиночествѣ. Это письма ищущихъ и съ ужасомъ сознавшихъ тщетность исканій. Это письма неудовлетворен-

ныхъ, письма „раненыхъ“, задыхающихся въ средостѣннѣ литературной бездушности и жизненной безпомощности. Холодомъ ужаса вѣетъ отъ ихъ признаній. И въ правдивости сознанаго—горечь пережитаго, въ мѣткости опредѣленій—вѣрность заключенія.

Когда-то великій критикъ, „Неистовый Виссаріонъ“, въ своихъ „Литературныхъ мечтаніяхъ“ обвинялъ родную литературу въ томъ, что у нея отсутствуютъ національныя рамки, а потому она не можетъ претендовать на значеніе міровой литературы. Къ подобному выводу приводила Бѣлинскаго Гегелевская философія. Литература должна быть зеркаломъ жизни общества, которое есть носитель идеи абсолютнаго духа, вѣчно живого, мѣняющагося въ безпрестанности своего развитія. Поэтому литература должна быть носительницей національной идеи. Но общества, какъ такового, въ то время не было, черты національнаго духа вырисовывались неопредѣленно. И, конечно, критикъ былъ правъ, аргюируя, что въ его время не было русской національной литературы, какъ міровой величины. Летѣли годы. Русское общество развивалось, дифференцировалось. На страницахъ исторіи заперѣли имена Тургенева, Достоевскаго, Толстого, Щедрина и др. Она ожила и своей жизнью дала жизнь другимъ. И вдругъ что то оборвалось, какая-то таинственная нить, невидимо соединяющая общество и литературу, исчезла, затерялась въ рядѣ другихъ нитей, до крайности похожихъ одна на другую, но не могущихъ служить проводникомъ того священнаго огня который нѣсколько десятковъ лѣтъ вдохновлялъ и общество и литературу. Съ нѣмымъ удивленіемъ остановился читатель передъ литераторомъ и понялъ душой, что

съ этого момента они чужды и непонятны другъ другу. И полились неудержимой волной жалобы на литературное оскудѣніе, на духовное банкротство родной литературы, на ничтожность и бездарность ея представителей. Голой жестокой правдой жизни вѣяло отъ признаній читателя. Читать нечего и не потому, что нѣтъ книгъ, а потому, что холодно среди нихъ, жутко и пусто, потому что они бездушны, а поэтому и не нужны. Вдумайтесь глубже въ эти безыскусственныя признанія и какимъ холодомъ, какимъ трагизмомъ жизни повѣетъ на васъ. „Читать есть что и читать нечего“... Да развѣ это не она родная русская жизнь противорѣчивая и безалаберная. Развѣ не она эта хваленая, гоголевская тройка, какъ „птица“ летающая по спицамъ колеса крыловской бѣлки. Въ ней все полно противорѣчій. Есть въ ней и писатели—и нѣтъ писателей. Есть въ ней и книги и нѣтъ книгъ. И въ этомъ весь трагизмъ ея, въ этомъ ея безсиліе. Никто не станетъ утверждать, что современная литература не имѣетъ извѣстныхъ величинъ, что она сплошь и рядомъ наводнена бездарностями. У насъ есть писатели, среди нихъ есть и литературныя величины, но нѣтъ среди нихъ писателей, художественныя произведенія которыхъ составили бы собой новую литературную эпоху. Ошибочно утвержденіе, что современная литература безформенна. Напротивъ, она вылилась въ очень опредѣленную форму—форму подлаживанія подъ различныя вкусы и настроенія читателя. Она растеряла, какъ и слѣдовало, старое, но и не создала новаго—на сегодня, и усталая ненужная бредетъ по наклонной плоскости спроса и предложенія. Въ ней нѣтъ романтизма и фантастики. Не прошла она и° сквозь толщу

символики. Роль современной литературы — роль фотографа, схватывание верхушек, — нѣтъ проникновенной глубины, въ которую тянетъ ищущую душу человѣка, нѣтъ смысла. И вотъ почему холодомъ вѣетъ отъ ея твореній. Она не слышитъ могучаго зова жизни, ибо жизнь для ея представителей не болѣе какъ агрегатъ отдѣльныхъ, не связанныхъ преемственностью миговъ, ничтожныхъ въ своей раздѣльности. Чуждая до преступности, равнодушная къ великому горю и великому страданію, чуждая радости, повторяетъ она съ чужого голоса. Она не мертва. Нѣтъ. Она только равнодушна. Въ ней нѣтъ душевнаго пламени, нѣтъ душевныхъ дерзаний. „Глаголь“ ея не можетъ и не въ силахъ зажечь сердца людей. Жизнь для современнаго литератора лишь бездушная панорама, смѣна горя и радости. Но и горе и радость — абстракція. Онѣ не потрясаютъ, не печалятъ и не возвышаютъ. Литературѣ же, претендующей создать эпоху, нужны — и безотчетное увлеченіе, и трепеть, и восторгъ любви, и неудержимое кипѣніе жизни, и сознанныя радость бытія.

Забронированная равнодушіемъ фотографа, современная литература незнакома ни съ жаждой любви, ни съ воплями горя, ни съ муками страданій. Она не знаетъ ни жгучей ненависти, ни страстныхъ жалобъ, ни какихъ бы то ни было симпатій и антипатій. Безъ искренняго чувства, безъ увѣренности, чуждая яркихъ красочныхъ тоновъ жизни — эта литература безсильна создать даже Марка Волохова, Базарова, Обломова и Штольца, „Войну и Миръ“ или

„Воскресеніе“, „Дворянское гнѣздо“, или „Анну Каренину“.

Вотъ почему „жутко, страшно, пусто“, становится отъ такой литературы. Вотъ почему читатель бѣжитъ отъ книги, задавая роковой вопросъ: „что же дѣлать?“ И наконецъ приходитъ къ заключенію о помѣшательствѣ или его, читателя, или же самого писателя. Онъ не можетъ найти на страницахъ ея пламени жизни, ибо, не согрѣтая огнемъ сердца, она бездушна и пуста. Нарядными пустыми фразами прикрываетъ она свою внутреннюю духовную нищету, бредя одиноко отъ жизни и людей подъ преступнымъ соусомъ безразличія. Это первая отличительная черта современной литературы, отдѣлившая ее невидимой стѣной отъ читателя и приведшая къ нравственному и духовному оскудѣнію, но только не къ банкротству, ибо литература, имѣющая за собой такое славное прошлое, литература, на страницы своей исторіи вписавшая великіе имена могиканъ слова и мысли, — умереть не можетъ. Она лишь переживаетъ кризисъ. О причинахъ же этого кризиса говорить не приходится, ибо, говоря словами Михайловскаго — „мы съ вами, читатель, такъ потрепались нервами за это тяжелое, страшное время, что о немъ надо говорить или по душѣ, открыто, или же не говорить вовсе. А чтобы говорить по душѣ, надо другое время. Надо весны подождать, чтобы ледъ таялъ, цвѣты расцвѣтали, весеннія птицы пѣли весеннія пѣсни“. Визжа, весна, тѣмъ отраднѣе жажда пѣсенъ.

Клавдій Прудовскій.

Современная любовь.

Посвящается А. Блоку.

П. Римусь.

(Продолжение)

§ 3.

Если бы я был приверженцем положения: „все существующее — разумно“, то, пожалуй, и проблема сосуществования идеальной и ранней любви показалась очень разумным выходом из кой-каких любовных тупиков нашего времени.

Впрочем, мне могут сказать: „да ведь и та и другая вечно существовали; всегда была и Мадонна и проститутка... О чем же беспокоиться?“

— Невѣрно, отвѣчу я. Невѣрно, что „идеальная“ любовь къ женщинѣ была всегда. Ее нѣтъ въ мѣрѣ варваровъ и дикарей, ее не было въ античномъ мѣрѣ, хотя „платоническая“ любовь и ведетъ свое названіе отсюда... Она была рѣдкостью даже въ средніе вѣка, такъ какъ „прекрасныя дамы“ рыцарей—далеко не всегда были Мадоннами для нихъ. Романтика средневѣковой рыцарской любви была въ основѣ своей физиологичной, а не психичной. Бертранъ—„Рыцарь—Несчастье“—фигура не средневѣковая. Его душа—наша современная душа, а среднимъ вѣкамъ—сверхчувственная любовь къ женщинѣ была незнакома. Если же она и была—то женщина переставала быть женщиной, а становилась или „святой“, или „Матерью Бога“, т. е. здѣсь было уже почитаніе диктуемое религіей, а не любовь. Только поверхностное знаніе средневѣковаго рыцарскаго культа женщины—находить, въ немъ чистый романтизмъ... Болѣе детальное изученіе—противорѣчитъ этому взгляду.

Не вдаваясь здѣсь въ доказательства, я по-

зволяю себѣ утверждать, что „идеальная“ любовь достигаетъ максимума по мѣрѣ приближенія къ нашимъ вѣкамъ. Въ этомъ смыслѣ она есть знаменіе нашего времени. И понятно почему. Она предполагаетъ высокое эстетическое развитіе. Эстетическое же чувство человѣка росло и растетъ съ ходомъ культуры, и только съ поступательнымъ ходомъ исторіи усложняется, все рѣзче и рѣзче отдѣляется отъ другихъ и, въ частности, отъ половыхъ переживаній и эмоцій. Именно въ наше время—оно становится вполне автономнымъ, самоцѣльнымъ и въ наше время только оно можетъ превратить женщину въ чистую эстетику, внѣ всякой связи съ половыми переживаніями.

И чѣмъ культурнѣе страна, чѣмъ культурнѣе люди, тѣмъ сильнѣе, повидимому, эта потребность чисто-эстетической любви къ женщинѣ—Мадоннѣ, къ вѣчной, чистой и прекрасной Беатриче.

Кто привыкъ къ индукціи—тому предоставлена полная возможность проверки этого положенія на рядѣ фактовъ. Сравните съ этой точки зрѣнія деревню съ городомъ, любовь крестьянина съ любовью интеллигента. Въ первомъ случаѣ дуализмъ той и другой любви почти не замѣтенъ, во второмъ—онъ поразителенъ. Въ силу этого—въ деревнѣ браки—прочнѣе, продолжительнѣе, крѣпче, не ведутъ къ трагедіямъ, ибо взаимное физиологическое удовлетвореніе почти всегда достижимо, потребность чистаго общенія здѣсь едва, едва намѣчена. Въ городѣ—иное. И любовь интеллигента иная. Ему кромѣ жены и спутника нужна Мадонна. Онъ въ любви ищетъ не только дружбы и сладострастья, но и Беа-

триче, вѣчную, живую и высшую красоту, нетлѣнную, какъ она, чистую, какъ идеаль. А эта задача уже не такъ проста и не такъ легка, какъ первая. Чувство этой любви безконечно болѣе капризно, требовательно и можетъ рушиться отъ всякой мелочи. А потому и браки менѣе постоянны и разводы болѣе часты. И понятно, если жена, говоря словами Чехова, есть только жена, и перестала быть хотя бы отдаленнымъ воплощеніемъ вѣчной красоты — то, конечно, о любви дальше трудно говорить. Потребность Беатриче заставляетъ интеллигента искать ее въ другихъ женщинахъ, воплощать ее не въ женѣ, а отсюда — терніи семьи, ссоры, дразги, сцены, психическая и физическая измѣна и т. д. Исторія кончается обычно разводомъ (фактическимъ или формальнымъ — безразлично).

Вполнѣ очевидное положеніе, что эстетическое чувство развивается лишь съ ростомъ культуры, что поэтому и въ любви — чѣмъ ближе къ первобытности — тѣмъ больше физиологическихъ переживаній и чѣмъ выше культура — тѣмъ больше „психическихъ элементовъ“. А разъ это такъ, то значить въ наше время ихъ должно быть всего больше; иными словами — потребность любви — обожанія, потребность Беатриче — должна быть теперь болѣе сильной, чѣмъ когда бы то ни было. Изъ сказаннаго видно, что она теперь настолько сильна, что уже вполнѣ отдѣлилась отъ физиологической любви и даже стала враждебна ей.

Запомнимъ это положеніе и пойдёмъ дальше въ нашемъ анализѣ. Я только что сказала, что потребность чисто эстетической любви настолько развилаь теперь, что она вступила даже во вражду съ физиологической любовью.

Я отлично понимаю, что высказываю этимъ положеніе, которое многіе сочтутъ парадоксомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не въ наше, именно время кричатъ всюду о „монизмѣ“ въ любви по которому союзъ душъ долженъ влечь и союзъ тѣлесъ; развѣ — не теперь бросаютъ громы и молніи „односторонней“ любви — чисто ли духовной или плотской. Развѣ не называютъ ихъ ненормальными.

И однако, этотъ „монизмъ“ не существуетъ или, вѣрнѣе, существуетъ теперь менѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Какъ это ни странно, но именно въ наше время соединимость въ одно цѣлое физиологической и эстетической любви почти невозможна.

Въ самомъ дѣлѣ, если въ прошломъ эстетика съ физиологіей уживались, то теперь нельзя въ одно и то же время созерцать Венеру и обнимать ее или цѣловать по земному. Венера, которую можно цѣловать и любить физиологически, перестаетъ, по крайней мѣрѣ въ эти моменты, быть Венерой — живой, чистой красотой или Кантовскимъ „незаинтересованнымъ удовольствіемъ“

Еще Толстой въ Крейцеровой Сонатѣ указалъ на эту несовмѣстимость Беатриче и жены, любви физиологической и эстетической.

„Духовное сродство! Единство идеаловъ! — говоритъ здѣсь Позднышевъ. — Но въ такомъ случаѣ незачѣмъ спать вмѣстѣ. А то вслѣдствіе единства идеаловъ, люди ложатся спать вмѣстѣ“.

И немного вужно думать, чтобы согласиться съ этимъ. Эстетическое чувство, любовь — обожаніе — чувство весьма хрупкое и привилось оно человеку гораздо позже, чѣмъ половой инстинктъ. Поэтому, какъ только наступаетъ послѣдній — первый исчезаетъ. Эта любовь не можетъ соединяться и существовать со спазмами сладострастія. Моментъ высшаго физиологическаго сладострастія — лишень всякаго переживанія эстетической любви. Въ эти моменты красота отсутствуетъ; для каждаго изъ актеровъ въ это время другой актеръ существуетъ только, какъ иной полъ. Не только Беатриче, но, пожалуй, и человекъ исчезаетъ въ эти моменты и „любящіе“ въ эти моменты другъ для друга существуютъ только какъ организмы, какъ животныя иного пола.

Пусть это физиологическое наслаждение—интенсивно, остро и т. д., но ясно, что эта физиологическая страсть не эстетическое переживание, а переживание, свойственное всемъ животнымъ, лишеннымъ какихъ бы то ни было эстетическихъ эмоцій.

Какъ только страсть удовлетворена—любимый на время становится чужимъ, ненужнымъ, даже противнымъ. Но мало того, что въ половомъ актѣ нѣтъ эстетическихъ эмоцій; само „обладаніе другимъ существомъ“ непроизвольно снимаетъ съ него вуаль чистоты и очарованія, дѣлаетъ его какъ бы пустымъ выпитымъ сосудомъ. Всякая идеализація, необходимая для преображенія дѣвицы изъ Тобозо въ божественную Дульцинею, исчезаетъ; дымка неизвѣстности, таинственности, недосказанности и неприкосновенности—разлетается. На мѣстѣ Беатриче—оказывается простая женщина, „поль“, „физиологія“. А потому—нелюбимая, полутаинственная женственная красота при половой близости превращается въ „жену“...

И какъ роза, съ опавшими листьями, она уже не въ состояніи возстановить эту старую декорацию. Переходъ изъ Венеры въ жепу—простъ и легокъ, но обратный—труденъ и почти невозможенъ.

Этимъ, вѣроятно, и объясняется, что всего менѣе могутъ идеализировать другъ друга супруги и ужъ только развѣ въ исключительныхъ случаяхъ они могутъ быть другъ для друга объектомъ „эстетической“ любви, носителемъ живой и вѣчной красоты. Они могутъ любить другъ друга физиологически, могутъ быть въ дружбѣ, испытывать взаимную симпатію, но все это... не любовь—обожаніе, не культъ Беатриче, не смущеніе женственной красоты, которое для нихъ недоступно. Игакъ, говоря коротко, любовь—біологія и любовь—красота—несоединимы теперь и враждебны другъ другу. Беатриче—нельзя цѣловать, она должна быть неприкосновенной. Только при этомъ условіи она и можетъ быть Беатриче. И обратно, „жена“, т. е. женщина которую любятъ физиологически не есть Беатриче и не можетъ ею быть. „Жена есть жена“, и „мужъ есть мужъ“. Между ними возможно что угодно, но не эстети-

ческая любовь, не взаимный культъ вѣчной красоты!

§ 4.

Установивъ эти положенія, попробуемъ теперь перейти къ поставленнымъ выше вопросамъ и разобраться въ трагическихъ переboяxъ и въ комическихъ фарсахъ любви нашихъ дней.

Если, дѣйствительно, теперь человѣку свойственна не только физиологическая, но и психологическая любовь и если онѣ дѣйствительно трудно совмѣстимы, то отсюда слѣдуетъ:

1) Меньшая прочность и продолжительность браковъ (и больше разводовъ) по мѣрѣ перехода отъ менѣе культурныхъ группъ къ некультурнымъ. Что это такъ—статистика ясно подтверждаетъ.

Почему такъ должно быть?—Разъ человѣку нужна теперь не только „жена“ и другъ, но и Мадонна, а „жена“ въ силу того, что она „жена“, Мадонной быть не можетъ—то человѣкъ принужденъ искать Мадонну въ другихъ женщинахъ, а не въ женѣ. Это само собой не содѣйствуетъ семейному миру и счастью. Разъ одинъ изъ супруговъ лучшія свои чувства направляетъ не по адресу супруга, а по адресу иныхъ возлюбленныхъ—то отсюда неизбежно слѣдуютъ семейныя ссоры, ревность, сцены, взаимная отчуждаемость, презрѣніе и вражда—однимъ словомъ весь тотъ „садъ прелестей тихаго семейства“, который все чаще и чаще разрѣшается разводомъ.

2) Разъ „физиологическая“ любовь и любовь—обожаніе не одно и то же, трудно совмѣстимы другъ съ другомъ—отсюда вытекаютъ чреватые послѣдствія и для любви и для семьи.

Первое слѣдствіе—это, обезцѣненіе самой физиологической любви. Не отрицаніе ея, не уничтоженіе, а именно обезцѣненіе. Половая потребность настолько глубоко вкоренилась въ природу человѣка, что вырвать ее и трудно, да едва ли и нужно. А разъ она существуетъ—она требуетъ удовлетворенія. Раньше, когда двѣ разсматриваемыхъ формы любви еще не были дифференцированы и обычно, такъ или иначе сливались другъ съ другомъ, понятно, что половое общеніе или половая любовь должна

была цѣниться весьма высоко. И мы знаемъ, что это дѣйствительно было и отчасти есть такъ. „Измѣна“—означала именно „физиологическую измѣну“. „Измѣна“—имѣла и социальное и правовое значеніе. Она и только она—физиологическая измѣна—была поводомъ къ расторженію брака. Супруги могли себѣ мысленно „измѣнять“ сколько угодно. Могли ненавидѣть другъ друга, могли любить восторженно другихъ, могли это показывать во виѣ и не скрывать этого, но пока половой измѣны не было—ни право, ни нравы не видѣли достаточнаго основанія для расторженія брака и для „измѣны“. Изъ этого

же монизма слѣдовали и разнаго рода факты. Разъ половая любовь вмѣщала въ себѣ и иную любовь—естественно, что влюбленные не могли отдаваться физиологически нелюбимымъ. Х, сильно любящій У, могъ быть въ половой близости только съ У. Быть въ этой близости съ иными—означало бы профанировать самую любовь, унижать себя, оскорблять любимую и вообще уронить себя „упасть и согрѣшить“.

(Окончаніе слѣдуетъ).

П. Римусъ.

Символическое творчество и любовь.

(По поводу выступленій противъ Вал. Брюсова и К. Бальмонта).

А. Туфановъ.

Сущность художественнаго творчества—познаніе.

Процессъ низшаго познанія начинается въ наблюденіи эмпирическаго міра, переходитъ затѣмъ къ изученію соотношеній явленій—въ науки; слѣдующая высшая ступень—метафизика, надъ которой стоитъ высшая форма познанія художественнаго черезъ созерцаніе, гдѣ уже не связь явленій, не общія нормы, а сама живая сущность ихъ—идея.

Третья книга „Миръ какъ воля и представленіе“ А. Шопенгауэра—для насъ пока единственная по глубинѣ опредѣленія сущности художественнаго творчества. Наши символисты Вал. Брю-

совъ, К. Бальмонтъ и А. Бѣлый, съ одной стороны, и А. Шопенгауэръ—съ другой, настолько близки какъ въ ученіи о созерцаніи, такъ и въ непосредственномъ художественномъ творествѣ, что въ настоящей журнальной статьѣ я не могу обойти молчаніемъ ученія о прекрасномъ философа-символиста съ его платоническими идеями, какъ предметомъ искусства, и съ созерцаніемъ, какъ средствомъ познанія этихъ идей.

Процессъ созерцанія Шопенгауэръ опредѣляетъ такъ.

„Когда мы рассматриваемъ въ вещахъ уже не гдѣ, когда, почему и для чего, а единственно ихъ что... когда мы всею мощью своего

духа отдаемъ возрѣнію, вполнѣ погружаясь въ него, и наполняемъ все наше сознание спокойнымъ созерцаніемъ предстоящаго объекта... и совершенно теряемъ въ этомъ предметѣ, т. е. забываемъ свою индивидуальность, свою волю и остаемся лишь въ качествѣ чистаго субъекта, свѣтлаго зеркала объекта... когда, слѣдовательно, объектъ выходитъ изъ всякихъ отношеній къ чему нибудь внѣ себя, а субъектъ—изъ всякихъ отношеній къ волѣ,—тогда то, что познается такимъ путемъ, уже не отдѣльная вещь..., а платонова идея, т. е. пребывающая форма всего даннаго рода вещей, вѣчная форма... и оттого погруженная въ такое созерцаніе личность больше не индивидуумъ (индивидуумъ познаетъ лишь отдѣльныя вещи), а чистый, безвольный, безболѣзненный, безвременный субъектъ познанія“ *).

Познаніе явленій въ границахъ закона основанія Шопенгауэръ сравниваетъ съ безчисленными, сильно мятущимися брызгами водопада, вѣчно мѣняющимися, не отдыхающими ни на мгновение, а интуитивное познаніе идей (черезъ созерцаніе) „съ радугой, тихо почіющей на этомъ бушующемъ смятеніи“.

Кромѣ того необходимо еще сказать, что въ познаніе черезъ созерцаніе Шопенгауэра входитъ не только познаніе „дѣйствительныхъ объектов“, а также видоизмѣненіе фантазіей самихъ объектовъ.

Нашими теоретиками символизма (см. труды Эллиса) были внесены поправки въ эстетику Шопенгауэра: чтобы сдѣлать понятной возможность побѣды созерцанія надъ велѣніемъ, допущено самобытное, независимое отъ абсолютной Воли бытіе Прекраснаго, какъ „вещи въ себѣ“, различными степенями отраженія котораго и являются „платоническія идеи“.

„Природа—строгий храмъ, гдѣ строй живыхъ колонъ

„Порой чуть внятый звукъ украдкою уронить;

„Лѣсами символовъ бредеть, въ ихъ чашахъ товетъ

„Смущенный человекъ, ихъ взглядомъ умиленъ.

„Какъ эхо отзвуковъ въ одинъ аккордъ неясный

„Гдѣ все едино, свѣтъ и ночи темнота,

„Благоуханія и звуки и цвѣта

„Въ ней сочетаются въ гармоніи согласной.

Само созерцаніе—не „идея“, а „идеи“ нѣтъ ни въ реальномъ объектѣ созерцанія (феноменѣ), ни въ самомъ созерцающемъ субъектѣ (индивидуумѣ). Наше сознание имѣетъ дѣло только съ отблескомъ ея, съ отраженіемъ, да и то временнымъ.

„Alles Vergängliche ist nur ein Gleichniss“ (Все преходящее лишь символъ иного)—слова Мистическаго Хора въ заключительной сценѣ „Фауста“,

Выходъ изъ противорѣчія разрѣшается допущеніемъ существованія нереальнаго, но рождающаго изъ себя, какъ свой отблескъ, радугу, Свѣтла, т. е. потусторонняго, сверхчувственнаго, совершеннаго міра, положительнаго бытія конечнаго объекта созерцанія.

В. Гете, величайшій поэтъ-мистикъ, вдохновитель современной эстетики и современнаго символизма заставилъ „Фауста стать спиной къ ослѣпляющему его зрѣнію и недостижимому его созерцанію солнцу“*). „Гете точно и смѣло устанавливаетъ въ качествѣ цѣли созерцанія самостоятельный, идеальный объектъ“.

Среди теоретиковъ символизма первое мѣсто принадлежитъ С. Маллармэ съ его ученіемъ объ аналогіяхъ, развѣвившимся изъ ученія Бодлера о „correspondances“.

По Бодлеру методомъ творчества „служить установленіе безконечно тонкихъ и сложныхъ рядовъ с о о т вѣ т с т в і и (correspondances) между явленіями видимаго міра, внутренними переживаніями поэта“.

Приводимъ извѣстный сонетъ Бодлера (изъ книги „Цвѣты Зла“) „Соотвѣтствія“, который представляетъ своего рода программу символизма:

*) А. Шопенгауэръ. Миръ какъ воля и представленіе т. I, 184 стр. пер. Ю. И. Айхенвальда, Москва. 1900 г.

**) Эллисъ. Русскіе символисты, 14 стр.

„Есть запахъ дѣвственный: какъ лучъ онъ чистъ и святъ,
 „Какъ тѣло дѣтское, высокій звукъ гобоя,
 „И есть торжественно-развратный ароматъ—
 „Сліянье ладана, и амбры, и бензоа,
 „Въ немъ безконечное доступно вдругъ для насъ,
 „Въ немъ высихъ думъ восторгъ и лучшихъ чувствъ экстазъ“.

Претвореніе всѣхъ реальностей, всѣхъ явленій въ значки, въ символы, отрѣшеніе отъ реалистическаго воспріятія явленій—вотъ слѣдующая, высшая, послѣ Бодлера, ступень; и это сдѣлала Маллармэ, объявивъ изученіе вещей, какъ таковыхъ, бесплоднымъ и пустымъ занятіемъ. Вся

Вселенная—безконечный трактатъ, каждый предметъ ея—особая буква. Методъ построенія—интуиція, радость угадыванія, подыскиваніе аналогій (см., какъ примѣръ, сонетъ Маллармэ о Замерзающемъ Лебедѣ).

„О лебедь царственный и дѣвственно-прекрасный,
 „Теперь взломаешь ли размахомъ бѣлыхъ крыль
 „Забвенья озеро, гдѣ мертвый иней скрылъ
 „Полетовъ тщетныхъ ледъ прозрачный и безстрастный?

„О лебедь прежнихъ дней, безумны и напрасны
 „Полеты гордые, ты тотъ же, что и былъ,
 „Но край, гдѣ жить зимой, ты въ пѣснѣ не сложилъ—
 „И вотъ блеститъ зимы покровъ тоскливо-ясный.

„Пространства мертвыя ты презрѣлъ бы, гордецъ,
 „Но шею оѣлюю склоняетъ агонія,
 „Ты весь закованъ льдомъ и близокъ твой конецъ.

„Весь облаченный въ сны презрѣнья ледяные,
 „Въ своемъ изгнаніи, въ бесплодности зимы
 „Ты бѣлымъ призракомъ означенъ въ царствѣ тьмы“.

Геніальные образцы процесса созиданія символа далъ намъ Фр. Ницше въ его „Also sprach Zarathustra“.

Таковы основныя положенія символизма.

Въ задачу моего журнальнаго реферата не входитъ—писать о Ницше, о нашемъ русскомъ Ницше—Андрѣ Бѣломъ и др. представителяхъ символизма, ставшаго міросозерцаніемъ. Я пишу по поводу выступленія „муравьевъ и нетопырей“ съ ветхозавѣтной моралью противъ Брюсова и Бальмонта и по поводу упадка способности къ воспріятію, скрытаго въ произведеніяхъ Бальмонта и Брюсова, Прекраснаго.

Поэтъ-символистъ—всечеловѣкъ съ устремленіемъ сквозь реально-эмпирическое въ сверхчувственное, Истинно-сущее, созерцающій явленія не какъ таковыя, а какъ брызги водопада, какъ средства, необходимыя для постиженія высшаго символа—Солнца; всечеловѣкъ, постепенно преобразующійся въ живое существо иныхъ

сферъ, для котораго феномены—лишь призраки; онъ всечеловѣкъ и нечеловѣкъ—отверженецъ, дѣло его для немногихъ, дѣло его аристократично и индивидуалистично.

Поэтъ-символистъ долженъ обладать способностью чистаго созерцанія, забвенія собственной личности, т. е. полной объективности; слѣдовательно, онъ или геній, или имѣетъ преобладающее настроеніе генія; кромѣ геніальности въ немъ есть ея существенный элементъ фантазія, для расширенія сферы созерцанія.

Многіе критики, а также патентованно-благонныя муміи, а за ними и обыватели, не понимая сущности символическаго творчества, очень часто нашихъ символистовъ обвиняютъ въ „проповѣди“ (?) сладострастія, эротизма, чуть не въ порнографіи; вотъ почему я останавлиюсь теперь на произведеніяхъ Брюсова и Бальмонта, въ ко-

торыхъ они отразили свое прохожденіе сквозь реально-эмпирическое въ этой области.

Для поэта-символиста женщина, любовь, сладострастіе, какъ и все другое, символы иного, временные отблески, красивыя, благодаря преображенію силой фантазіи, буквы трактата, расцвѣтающіе брызги водопада; предчувствіе мечты и тѣнь предчувствія.

Извѣстно, что первый періодъ творчества Бальмонта былъ періодомъ романтическаго символизма, 2-ой—чистаго символизма, вотъ почему я не буду давать много иллюстрацій: эти опредѣленія говорятъ самъ за себя противъ легкомысленныхъ обвиненій. Для изученія Бальмонта надо взять его великую книгу символовъ „Будемъ какъ Солнце“, которою заканчивается восхожденіе на горныя вершины Бальмонта 2-го періода, и всѣ равнія произведенія: „Подъ сѣвернымъ небомъ“, „Въ безбрежности“, „Тишина“, „Горящія зданія“ и отчасти „Литургія Красоты“.

Въ раннихъ сборникахъ Бальмонта мы находимъ преемственное углубленіе романтической лирики Фета. Поэтъ только по временамъ сливается съ міромъ явленій.

„Тоскую о томъ, чего нѣтъ,
„Что дремлетъ пока, какъ цвѣтокъ надъ водою,
„О томъ, что проснется чрезъ многія тысячи лѣтъ,
„Чтобъ вспыхнуть падучей звѣздой“,
(„Подъ сѣвернымъ небомъ“. „Нитъ Ариадны“).

Его общеніе—съ міромъ существъ, которымъ нѣтъ названія; отсюда его обожаніе Луны, жажда неземного существованія, безумное стремленіе еще въ реальномъ мірѣ стать по ту сторону міра Сладострастіе на этой ступени творчества является отравляющимъ:

„И видѣлъ я вездѣ, вездѣ вокругъ
„Змѣю съ полузакрытыми глазами“
(„Кошмаръ“).

Во второй книгѣ „Въ безбрежности“ въ отдѣлѣ „Любовь и тѣни любви“ поэтъ говоритъ:

Онъ вскрикнетъ, и кинется страстно
„Туда, гдѣ былая стезя...
„Но тѣни пройдутъ безучастно,
„И съ ними обняться нельзя“!

Здѣсь тоже исканіе „небесной любви“.

Въ третьей книгѣ „Тишина“ уже приближеніе къ „лирикѣ современной души“: чувство страданія и близость къ отчаянію, отрѣшеніе отъ

эмпирическаго міра, призывъ къ забвенію всего преходящаго; безъ такого забвенія неизбѣжно—безуміе и самоотрицаніе. Онъ уже пишетъ:

„Я живу одной мечтой
„Въ дымкѣ нѣжно-золотой.
„Влизъ уступовъ мертвыхъ скаль,
„Тамъ, гдѣ вѣтеръ задремалъ;
„Однодневкой золотой
„Вьюсь и рѣю надъ водой,
„Вижу соляце, вижу свѣтъ.
„Всюду чувствую привѣтъ“.

Въ отрывкѣ „Донъ-Жуанъ“ даетъ трагедію современной души, гибнущей во имя Красоты.

Но „Лирика современной души“—въ книгѣ „Горящія зданія“, гдѣ поэтъ объявилъ:

„Я хочу порвать лазурь
„Успокоенныхъ мечтаний.
„Я хочу горящихъ зданій,
„Я хочу кричащихъ бурь“.

Онъ разлюбилъ „нѣжные сны“, разлюбилъ башню, молчащую для него, какъ романтика, и его устремленіе къ Землѣ и Огню „въ свѣтѣ мгновеній“; въ вѣчной смѣнѣ иллюзій.

О любви, правда, онъ пишетъ:

„Слова любви, не сказанныя мною,
„Въ моей душѣ горятъ и жгутъ меня,
„О, еслибъ ты была рѣчной волною,
„О, еслибъ я былъ первой вспышкой дня!
„Чтобъ я, скользнувъ чуть видимымъ сіяньемъ,
„Въ тебя проникъ дробящейся мечтой,—
„Чтобъ ты, моимъ блеснувъ очарованьемъ,
„Жила своей подвижной красотой!“

Но къ снамъ любви онъ идетъ уже черезъ сліяніе ночи и дня („Опять“), любитъ онъ беладонну, волну. Отъ пессимистическаго романтизма Бальмонтъ перешелъ къ пантеизму. Книга заканчивается словами:

„Я—Люциферъ небесно-изумрудный
„Въ Безбрежности, освобожденной мной!“

„Поэтъ вернулся въ родную Безбрежность съ тѣмъ, чтобъ впервые увидѣть единый великій символъ, всеозаряющій—Солнце“.

„Будемъ какъ солнце“... „Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Солнце“—воскликнулъ поэтъ-символистъ, и не стало равныхъ ему въ его „пѣвучей силѣ“.

(Окончаніе въ слѣд. №)

А. Тугиновъ.

Гармоника Гараморта.

К. Жаковъ.

Сколько ранъ въ душѣ Гараморта, столько пѣсенъ играетъ гармоника его. Вотъ прикоснулся я къ клавишамъ. Больные звуки раздались... И я почувствовалъ, что натолкнулся я на гвозди жизни, и раны получилъ неисцѣльныя. Эти раны: бесполезныя попытки сорвать звѣзду съ неба, тщетныя труды мысли—никто не внимаетъ мнѣ.

Голосъ въ пустынь раздается... Ушли всѣ, и никто не слышитъ. Отъ боли и горя сказки началъ рассказывать я въ келькѣ своей и гости встали съ мѣстъ своихъ, и всѣ вышли.

Пошелъ я къ народамъ, и видѣлъ я актеровъ между ними, и голоса ихъ фальшивые покрыли голосъ мой правдивый... Встрѣтилъ я женщину по дорогѣ, и острыми лица она уколола душу мою.

Такъ гармоника играла, и боли сердца смягчились.

Вдругъ хохотъ раздался въ комнатѣ моей. То гармоника моя надо мной смѣялась; смѣялась и припѣвала: „безумецъ, безумецъ! кто велѣлъ тебѣ наткаться на гвозди неба и земли, и получить раны неисцѣльныя? Зачѣмъ захотѣлъ ты быть выше всѣхъ, а не жить мирно, какъ земляки твои—сѣверяне. Я смѣюсь надъ тобою и буду смѣяться всѣ дни твои.“

Она заразила меня, и я сталъ смѣяться надъ собою, такъ смѣялся, что упалъ со стула, и катался на полу, умирая отъ веселья надъ безуміемъ, своимъ надъ сумасшествіемъ своимъ. Но новыя созвучія услышалъ. Сказки великія рисовали звуки гармоники, и снились мнѣ народы, и дѣла ихъ величавыя, вздохи, слезы, и улыбки ра-

дости; толпы и герои проносились предомною, не спѣша и не медля, картина влекла за собою картину, и спокойствіе царило въ душѣ моей.

Я романтикомъ сталъ, вослѣдъ за гармоникой своей, и переливы настроенія смѣнялися во мнѣ. Надежды еще живутъ въ груди, и сорву я звѣзду съ неба, и привлеку я вниманіе народовъ мудрой поэзіей моей, и спущусь я въ глубину царства вещей, и вынырну оттуда цѣль и невредимъ, и поднимусь на гору я, и принцессъ тамъ увижу, и захотятъ онѣ, чтобы я былъ у нихъ гостемъ почетнымъ на долгіе годы. Тутъ гармонику положилъ я, и руки простеръ я въ окно, и выросли руки мои, и достигли неба, и положилъ пальцы я въ трещины неба, въ черныя пустотны млечнаго пути, и стонъ издало небо, и земля разрыдалась, но переставилъ я пальцы, на кометы переложилъ ихъ, и вотъ услышалъ лебединыя пѣсни великаго неба.

И тутъ споткнулся я, и упалъ, и пальцами ухватился за вершины горъ, и захотала земля, сознавъ безуміе своихъ стремленій къ недостигнутому солнцу...

Внутренность ея вся хохотала, и бездна вторила ей, зіяя бездонной пастью своей.

Тутъ поднялся я и на зарю заката положилъ я руки, на ленту румяную заходящаго солнца, и вотъ пѣсня спокойная, какъ волны океана, наполнила природу. Все примирилось, и все успокоилось.

Божественный покой разлился повсюду, и въ душѣ моей почувствовалъ я сладость.

Такъ, дѣти мои, играетъ гармоника моя, земная и небесная.

К. Жаковъ.

Гармоника Творчества

* * *

Въ саду, гдѣ склонились плакучія ивы,
въ печальной дремотѣ лежитъ молчаливый,
подернутый тиной, заброшенный прудъ.

Янтарное солнце горячей улыбкой
не въ силахъ пробить его плѣсени зыбкой.
Купавы на немъ свои сѣти плетутъ.

Но лунной порой, когда мѣсяцъ блестящій
на дымчатой тучкѣ встаетъ изъ-за чащи,—
дрожить и сверкаетъ серебряный прудъ.

И крыльями бѣлыми тихо махая,
слетаетъ къ пруду лебединая стая,—
и лебеди стройныя гордо плывутъ.

Срываютъ съ пруда кружевныя тенета,
и прудъ, пробужденный отъ соннаго гнета,
въ лучистомъ сіяньи, сверкаетъ, какъ сталь...

Вода въ немъ трепещетъ и тихо струится.

И гордо плыветъ лебедей вереница—
а утромъ тревожно уносится вдаль.

Такъ съ луннымъ сіяніемъ въ душу больную,
срывая дремоту и плѣсень дневную,
какъ бѣлые лебеди, грезы плывутъ...

Сверкаетъ въ окнѣ серебромъ занавѣска;
душа вся трепещетъ отъ луннаго блеска
и тихо дрожитъ, какъ серебряный прудъ.

Въ душѣ расцвѣтаютъ весеннія розы...

Свободно и гордо проносятся грезы—
подъ луннымъ покровомъ вдали отъ людей.

Но утромъ,—сіяющимъ, радужнымъ утромъ,
лишь только заблещетъ окно перламутромъ,
уносятся грезы, какъ цѣпь лебедей.—

А. Симонова.

ЖИЗНЬ, СОНЪ И СКАЗКА.

Василій Яшинъ.

Вспоминается мнѣ одна старая-старая сказка... (Есть люди, которые боятся старыхъ словъ, какъ будто старое—ветхое. Право же далеко не всегда такъ, какъ имъ думается. Чаше старое—значить вѣчное...) У одного царя, говорится въ этой сказкѣ, тяжело заболѣлъ сынъ. Врачи сказали, что царевичъ выздоровѣетъ, если одѣнетъ рубашку счастливаго человѣка. Послали гонцовъ кликнуть кличъ по всему государству, не найдется ли гдѣ счастливый человѣкъ. И вотъ наконецъ нашли такого, который былъ всѣмъ доволенъ.

— Гдѣ же твоя рубашка?—спросили его гонцы.

— Рубашка?—удивился онъ—Да у меня нѣтъ рубашки...

Такъ и вернулись ни съ чѣмъ царскіе слуги...

Все хорошо въ этой сказкѣ, и одно только сомнительно. Сомнительно, что нашелся человѣкъ, который былъ всѣмъ доволенъ. Но вѣдь сказка—складка, въ сказкѣ есть законная ложь и эту ложь не только можно, но и должно простить ей.

Если бы сейчасъ пришлось почему нибудь искать счастливаго человѣка, я готовъ голову прозакладывать, что его не нашли бы. Слишкомъ ужъ сильна жизнь, слишкомъ ужъ дробна она и нѣтъ уголка, куда не залилась бы ея грязная муть, нѣтъ уголка, гдѣ она не писала бы законовъ. Сейчасъ больше, чѣмъ когда либо, не за что быть довольнымъ жизнью. Но если есть основанія

ненавидѣть жизнь, больше—побѣдить и со-
всѣмъ нѣтъ—примириться съ господствомъ
жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, есть же такое состоя-
ніе, когда я, господинъ обстоятельствъ
даже такихъ необходимыхъ, какъ простран-
ство и время, когда прошлое дѣлается на-
стоящимъ, будущее прошлымъ, когда меня
не стѣсняетъ длительность пространства,
когда творчество уходитъ отъ данности про-
тяженія и времени. Поэтому должно быть
право на сонъ и нѣтъ права будить, тре-
вожить сонъ. Медвѣдь, убившій муху, ко-
торая смущала сонъ пустытника, былъ правъ:
онъ наказалъ преступленіе. Если же при
томъ пострадалъ нѣсколько и пустытникъ,
то это въ счетъ нейдетъ.

... Наше существованіе само собой раз-
бивается на трети. И только одну изъ нихъ
мы отдаемъ именно жизни. Двѣ другія дѣ-
лятся поровну между сномъ и сказкой.
Сказка—мостъ отъ жизни къ сну. И если
жизнь—необходимость, сказка—потребность.
Есть на Востокѣ легенда о твореніи. По
ней выходитъ такъ, что вся вселенная—
только сонъ Брамы. Но не слишкомъ ли
старъ Брама, чтобы видѣть хорошіе сны?
Не слишкомъ ли слабъ онъ? Нужно быть
сильнѣе, нужно заснуть отъ жизни, и она,
эта жизнь, превратится въ легкое, ясное,
радужное сновидѣніе. Но прежде пусть жизнь
сдѣлается еще сказкой. Она должна сдѣ-
латься сказкой. Недаромъ вѣрилъ Чеховъ
въ то золотое время, когда земля превра-

тится въ одинъ цвѣтущій благоухающій садъ.
Развѣ можетъ быть что-нибудь прекраснѣе
этой святой вѣры, вѣры въ то, что жизнь
должна сдѣлаться сказкой?

Говорятъ о томъ, что искусство учить,
что дѣлать. Отъ „дѣлать“ недалеко до „дѣй-
ствовать“, но какая глубокая пропасть ле-
житъ между „дѣйствовать“ и „творить“!..

Говорятъ о реализмѣ въ искусствѣ.
Смѣшные, они хотятъ мою сказку сдѣлать

жизнью! А теперь нашлись и такіе, которые
настойчиво требуютъ:

„Чтобы жизни прислуживала сказка
И была бы у нея на посылкахъ“.

Но золотая рыбка—сказка не стала слу-
жить сварливой старухѣ. Сами собою раз-
сыпались созданные волшебствомъ чертоги
и осталась старуха—жизнь, одна со своимъ
горемъ у разбитаго дыряваго корыта.

Василій Яшинъ.

Темница.

Одна есть темница,—

Мой умъ.

Въ немъ бьется, какъ птица,

Рой думъ.

О жизни и смерти гадая,

Въ него заключенъ навсегда я.

Но, какъ не великъ его гнетъ,

Онъ мысли моей не согнетъ.

Я царь своей мысли!

Пусть даже повисли

Въ ней тучи сомнѣнья, безцѣльность всей жизни;

Не буду печаленъ на призрачной тризнѣ.

Хочу я, и вмигъ моя мысль облетѣла

Весь міръ и вернулась въ невѣчное тѣло.

Я съ нею свободенъ, я съ нею великъ!

Но жизненный ядъ въ мое сердце проникъ,

И меркнетъ зарница...

Одна есть темница.

Глебъ Будный.

Изъ записокъ ненормальнаго человека.

Нелли.

Къ облакамъ полечу я, къ далекимъ бѣлымъ облакамъ, чтобы закрыть на время свои глаза, чтобы забыться... и забыть землю. Земля—начало моихъ страданій, моихъ душевныхъ мукъ—и землю я возненавидѣлъ. Я хочу къ небу, къ облакамъ!

Внизу разстилается земля, черная земля съ кое-гдѣ разбросанными садами, огородами, хижинами. Тамъ, въ этихъ хижинахъ живутъ люди подобные мнѣ. Но человекъ ли я? И почему люди и я такъ безконечно близки по природѣ? Почему земля и мое тѣло составляютъ одно? Я не понимаю! и не пойму. Пусть люди говорятъ мнѣ, что я—человекъ, что я атомъ ихъ природы, мельчайшая частичка въ океанѣ жизней. Я не вѣрю этому! Не вѣрю тому, что лицемеріе, злоба и ничтожество,—убійство, ползаніе по землѣ и безумное творчество—составляютъ „я“, внутреннее „я“ въ моемъ тѣлѣ! Я—не человекъ!

Длиннымъ путемъ шель я къ этому; долгіе годы жилъ среди людей, думая и вѣря въ свое „человѣчество“. Мнѣ смѣшно теперь. Развѣ могло „Человѣчество“ скрываться въ великомъ тѣлѣ, тѣлѣ будущаго гиганта, не—земномъ тѣлѣ. Безсмертенъ я и бессмертно мое тѣло. Развѣ мои мысли, стремленія, борьба не создали бессмертія?! Конечно создали; конечно, я—вѣченъ! И я лечу въ вѣчность!

Всегда говорятъ мнѣ, будто созданное изъ Земли въ землю возвращается! Будто рожденное отъ плоти плотью только и остается.

Но это ложь! Вѣдь я постигъ Вѣчное! Развѣ можно Вѣчное совмѣщать съ плотью? Даже они не утверждаютъ этого. Богъ ихъ безъ плоти; Богъ ихъ—Духъ, создавшій вселенную и ее наполняющій! Духъ вѣчный! Духъ, сошедшій на землю, чтобы снова уйти въ голубую высь—на небо! Съ вѣчной плотью сходилъ Онъ; съ вѣчной плотью оставилъ на землѣ людей—букашекъ. Что скажутъ они? Почему плоть перешла въ вѣчность?

Безумные и мелкіе, вы не отвѣтите мнѣ. Да я и не слушаю больше вашихъ отвѣтовъ; я продолжаю возноситься на моемъ шарѣ все выше и выше! Туда къ облакамъ

...
Вотъ жизнь моя откуда-то появившаяся предъ моими глазами. Гдѣ взялась ты? Откуда плывешь мятущаяся, вѣчно больная? Изъ сѣраго тумана встаешь ты сейчасъ; какъ вставала давно изъ бѣлыхъ облаковъ, спускаясь на землю. Чего искала ты, моя Жизнь, на землѣ?

Солнце садилось за тучи; шель снѣгъ, мелкій холодный снѣгъ—а ты неслась въ хаосъ холода и мрака, неслась подъ-руку съ милыми духами Сомнѣнія, Ужаса и Зла. Плясали Духи, радуясь метели; а моя Жизнь подпрыгивала вмѣстѣ съ ними, не догадываясь о тяжелыхъ путяхъ, раскрывающихся при приближеніи къ землѣ. Бѣдная, бѣдная старушка Жизнь! Если-бы не вѣчность, открывшаяся позднѣе мнѣ, я проклялъ бы тебя!

Дитя! Ребенкомъ помню себя я и уже въ ребенкѣ сомнѣнье начало расширять свое жилище. Маленькое, влетѣвши съ жизнью, оно разрослось съ годами; оно протестовало, не оставляя меня ни на минуту. Сомнѣніе заставило меня противиться людскимъ ученіямъ, сомнѣніе требовало ясности—и Богъ, ихъ Богъ убѣгалъ куда-то, казался мнѣ невозможнымъ, далекимъ отъ истины.

Снова смѣюсь я, вспоминая эти уроки!

Люди изощрились дать мораль! А я съ сомнѣніемъ и ужасомъ увидѣлъ всю реальность ихъ нравственныхъ ученій! И позднѣе позналъ ложь подобныхъ ученій. Я не гналъ своихъ духовъ! Я прислушивался къ нимъ, чувствуя приближеніе вѣчности.

Ложь ихъ мораль! Ложь! Слабостью создана она; моралью закрывались люди отъ всего сильнѣйшаго ихъ. Моралью, ученіями о нравственности, объ обществѣ; ученіями о государствахъ, законахъ—закрыли люди свое ничтожество, свое звѣрство, свое низкое начало. А затѣмъ съ таинственнымъ соединили свою мораль, называя это богомъ.

Годами учился я. Десятками лѣтъ старался разсмотрѣть ближе этихъ людей! И я разгадалъ ихъ; они—люди, дѣйствительно люди...

Съ высоты облаковъ буду смотрѣть на нихъ; буду любоваться войнами, революціями, проповѣдями, молитвами, слезами... И ду-

мать, знать, гдѣ причина всего, гдѣ основа ихъ жизни.

Ползаніе по землѣ—жизнь людей! Ползаніе по землѣ до сего дня, какъ бы ни прикрывались они своими цѣнностями.

Въ первыя времена человекъ создавалъ каменный топоръ, а теперь уничтожаетъ другого великолѣпнѣйшими пушками; въ первые годы—жилъ въ пещерахъ, а сейчасъ сидитъ вотъ тамъ, внизу, въ своихъ хижинахъ, замкахъ, дворцахъ. Но не одна ли это одежда? Одежда лишь измѣнилась. Духъ остался прежнимъ! Тѣло осталось прежнимъ! Человекъ остался прежнимъ!

Земля и въ землю возвратишься! Животное и животнымъ останешься! Лучъ вѣчности не коснется тебя!

Со злобой гонишь ты, человекъ, сомнѣніе; съ боязнью раскрыть и понять себя отрицаешь ты Начала.

А Начала—эти духи—создаютъ настоящее познаніе; раскрывая ту сущность вещей, надъ которой ты бьешься. Въ духовъ надо вѣрить больше; духовъ надо поселить въ себѣ. И тогда подняться къ вѣчности.

Нельзя требовать вѣчности, оставаясь слабымъ, безъ воли и безъ желаній. Нельзя жить безъ воли. Нельзя оставаться безъ желаній! Къ духу твоему должны быть направлены твои желанія, къ небу пусть двигаетъ тебя, о человекъ, твоя воля. Въ познаніи своего духа—начало вѣчности!

Сильнымъ долженъ быть ты, раскрывъ свой духъ! И новыя цѣнности, новую мораль и право создашь ты! Ближе подходи къ своему духу и больше желай найти его!

Внизу люди, бѣдныя букашки! Маленькіе люди безъ души и боли! Тѣлу, земному

тѣлу подчинили они свой духъ и отогнали
отъ себя свое вѣчное; въ землѣ роятся они,
не чувствуя, какъ умираетъ ихъ духъ, ве-
ликой духъ! И не пускаютъ къ себѣ над-
земныхъ духовъ, боятся ихъ!.. Не пускаютъ
придти въ себя обожествляющій лучъ вѣч-
ности. Злые и ничтожные надобли мнѣ вы!

Уйти хочу подальше, чтобы тамъ, въ небѣ
забыть ваши добродѣтели; чтобы въ небѣ съ
духами укрѣпить и свой, открывшійся мнѣ
духъ!

Я лечу на своемъ шарѣ къ этимъ ду-
хамъ...

Нелли.

Кошмаръ.

Моя душа горитъ, горитъ
Въ безсильномъ, пламенномъ ознобѣ,
Моя мечта творитъ, творитъ...
Поетъ одна—тоскуютъ обѣ.
И одинокій, жуткій крикъ
Изъ сердца дымнаго пожара
Змѣей ехидною проникъ
Въ глубины мутнаго кошмара...
Я до безумья одинокъ!
А почему... и самъ не знаю...
Мой путь извилистъ и далекъ,
Но самъ его я удлиняю.

.....
Какъ странно видѣться во снѣ,
И умирать и просыпаться,
Какой то призрачной лунѣ
Душой и тѣломъ отдаваться!
Мнѣ больно, больно... помощи!
Тебя же нѣтъ; такъ что жъ кричу я?
Какъ небо свѣтитъ вдали...
Смотри, смотри, какъ полечу я!
Бѣжать къ тебѣ?—О, злой недугъ!
Я такъ боюсь тебя обидѣть...
Тебя, мой милый, кроткій другъ,
Я не могу и долженъ видѣть!
Вдругъ стало тихо... блѣдный свѣтъ
Въ душѣ забрезжился неволью...
Чей это стонъ?.. и снова бредъ...
О, какъ мнѣ больно! какъ мнѣ больно!

А. Левинъ.

—Заступница Святая! Сима какъ-то беспомощно и жалко поникла головой.

—А вотъ ты теперь выбрось все это изъ головы да и поправляйся.—Нѣтъ, мнѣ не подняться ужъ. Нутро она у меня тогда все вынула, ѣды и питья рѣшила. Да теперь я уже и сама не хочу жить. Въ міру горько было, да и здѣсь тоже, не на землѣ видно моя доля. Вогъ на кладбище люблю ходить, облюбовала тамъ себѣ и мѣстечко, двѣ елочки въ изголовьи посадила, принялись. Да еще похоронять-ли тамъ. Сима задумалась. Слезы душили Оеклушу. Она молча вышла въ сѣни и припавъ головой къ притолкѣ беззвучно, горько заплакала. Потомъ вдругъ встряхнула точно съ себя что то кошмарное, вытерла слезы, подумала, что всѣ онѣ почти тутъ собрались горемычныя и обездоленныя и быстро пошла къ своему корпусу, поднялась въ „верхнія“ кельи и вошла къ Грушѣ. Та еще лежала въ постели слабенькая, блѣдная, но съ выраженіемъ рѣшимости и серьезности на дѣтскомъ нѣжномъ лицѣ.—Прощай, Грушатка, уѣзжаю совсѣмъ, начала Оеклуша, сѣвъ на край кровати, и вправду ты будешь регентшей теперь.—Голосъ у Оеклуши былъ такой важный, строгій, что Груша сразу повѣрила ей и спросила:—А куда ѣдешь?—Оеклуша все ей рассказала. Грушатка поднялась на локтѣ и, подумавъ немного спросила:—А денегъ у тебя много?

—Пятьдесятъ. Сестры въ складчину набрали.

—Мало это, мать-регентша, этакъ ты скоро вернешься назадъ и... и... Оеклуша догадалась, чего не договорила честолюбивая дѣвочка.—Ужъ какъ-нибудь пробьюсь, кротко улыбаясь замѣтила она и хотѣла ужъ идти, но Груша удержала ее за рукавъ.

—Стой, регентша, возьми у меня денегъ, а послѣ, если не пожелаешь у меня въ долгу

быть—отдашь. Сейчасъ папенька и маменька у матушки, поди, пятый самоваръ чаю испиваютъ, а ты уже зайди; папенька мнѣ дастъ сколько пожелаю. Оеклуша смотрѣла на своего маленькаго врага живыми, лукавыми глазами и не знала вѣрить ей—или нѣтъ, но все таки обѣщала зайти. Не успѣла Оеклуша подойти къ двери, какъ снаружи отъ нея отошла тихо мать-Михаила.

Уложивши въ небольшую корзиночку вещи, Оеклуша вечеромъ вынесла ее въ холодный корридоръ подъ лѣстницу и поднялась къ Грушѣ. Груша сидѣла на кровати и что то усердно шила.—Вотъ тебѣ, регентша, ладонка, въ ней зашито сто рублей, надѣнь на шею, вотъ такъ, а здѣсь вотъ мелкими пятьдесятъ, это ты въ кошель спрячь, а пятьдесятъ я оставлю у себя—сестрамъ раздать, кои тебѣ жертвовали. Оеклуша крѣпко обняла и поцѣловала своего недавняго маленькаго врага и вышла. Внизу въ темномъ, холодномъ корридорѣ она остановилась. Сердце у нея стучало, какъ молотокъ. Сейчасъ должна изъ „нижнихъ“ келій выйти мать-Александра съ паспортомъ. И вдругъ она выйдетъ и скажетъ:—А ну ка, Оекла, ступай-ка къ матери Паисіи на объясненіе да прими отъ нея эпитимію—читать цѣлый мѣсяцъ ночью часы въ храмѣ. Оеклуша заглянула въ дверное стекло. Казначейшла къ двери, вотъ уже отворила ее и окликнула Оеклушу.

—Здѣсь, я, матушка, робко сказала Оеклуша. А сердце стучитъ, стучитъ, даже руки похолодѣли:

— Возьми-ка. — Охъ, благодарю васъ родная, а ужъ какъ боялась я.

— Гляди-те, ужъ и за пазуху спрятала, а можетъ я тебѣ простую бумажку подала.

Оеклуша обомлѣла, а казначея тихо за-смѣялась и сказала:

— Иди, иди, не бойся, чай за оградой и извозчикъ ужъ стоитъ. Ступай съ Богомъ, мы за тебя помолимся, а ты за насъ потрудись.

Снаружи слышались чьи-то шаги. Оеклуша вся поддалась въ темный уголь. На порогъ показалась мать Михаила.

— Провожаете, мать Александра, ехидно прошипѣла благочинная и важно прослѣдовала по лѣстницѣ вверхъ.— Шпіонка!—пустила ей вслѣдъ казначея, но Михаила не слыхала; она тайно торжествовала.

Безъ вида Оеклушу изъ Москвы выселятъ и она явится сюда ко всѣмъ съ повинной. Михаила рисовала себѣ эту картину и красивыя губы кривились въ сатанинскую улыбку. Мать-Михаила ненавидѣла всѣхъ бѣлицъ необъяснимой ненавистью.

Когда побѣгъ Оеклуши сталъ извѣстенъ на другой день всему монастырю, игуменья хотѣла слать за ней погоню, но казначея и благочинная ее уговорили и успокоили... —Вернется скоро, говорила казначея, безъ денегъ въ Москвѣ не ступишь. Да и безъ паспорта тоже.

Однако прошла недѣля, а Оеклуша не возвращалась ни сама, ни по этапу, такъ что казначея однажды, встрѣтивъ въ монастырской канцеляріи благочинную невинно сказала.

— А видно, вы мать-Михаила Оеклушу настоящимъ паспортомъ снабдили. Благочинная позеленѣла даже.

— Не вы ли мать?—То-то вотъ, не бѣгайте въ лѣсъ за бѣлицами, не выслѣживайте, а то вотъ, говорятъ, у васъ въ тотъ день, какъ Грушатка напроказила, шкапъ въ канцеляріи одинъ настезъ стоялъ.

Матери наградили другъ дружку такими взглядами, что поспѣшили разойтись.

Игуменья хотѣла разслѣдовать наистрожайше все дѣло побѣга регентши, но время было „не такое“ и понемногу успокоилась.

Въ обители все пошло по старому. Новая, маленькая регентша хорошо справлялась со своимъ дѣломъ, сестры уже не смѣялись надъ ней и не дразнили, но и не любили такъ горячо, какъ Оеклушу.

Прошло три мѣсяца. Однажды мать Паисія разбирая почту, нашла письмо на свое имя. Нетерпѣливо распечатала и прочла:

„Глубокоуважаемая и дорогая матушка, извините меня, что осмѣливаюсь вамъ писать, окаянная грѣшница и бѣглянка. Вотъ я давно уже и на войнѣ, привыкла къ орудійному грому. Мы, сестры, не боимся его, мы боимся только, какъ бы не остался на полѣ брани забытый страдалецъ. А когда стихаетъ громъ орудій и стоны нашихъ раненыхъ, я становлюсь на колѣни и молюсь, горячо молюсь, что бы создатель умягчилъ сердца людей. Всѣ сестры меня очень любятъ и одна, очень важная, все хочетъ меня взять послѣ войны въ Петроградъ нахорошее мѣсто, Одинъ разъ не спала всю недѣлю и, какъ увидала раненаго одного, расплакалась. Потомъ отоспалась и опять ничего. Простите меня, матушка, за мои слѣдующія дерзкія слова: Если умретъ Сима, похороните еѣ на облюбованномъ ею уже мѣстѣ, гдѣ двѣ елочки ею посаженныя. Иногда я пою божественное для больныхъ нашихъ страдальцевъ, очень это ихъ успокаиваетъ.

Простите смиренную рабу Божию, инокиню Оеклу“.

Двѣ тяжелыя слезы скатились съ глазъ

Паисіи на письмо „инокини“, которое она
тщательно свернула и спрятала въ столъ.
Спустя недѣлю, игуменья велѣла запречь
лошадь и собственноручно въ городъ опу-
стила въ ящикъ письмо на имя сестры
милосердія Ѳеклы Гордѣевой. Въ письмѣ
было всего пять строчекъ: „Благословить
и простить тебя Господь. Пока я жива,

двери обители для тебя всегда открыты, а
буде меня не станетъ, обернись въ городъ
къ благодѣтелю храма нашего, купцу Гал-
дѣеву. Отъ него узнаешь мою послѣднюю
волю. Игуменья Паисія“.

Е. Коровина.

* * *

Я свято чту въ глазахъ Мадонны
Печаль безгрѣшную ея,
Но иногда влечетъ меня
Къ дурманнымъ листьямъ беладонны.
Мои мечты свободнѣй птицы
И чисты, словно горній снѣгъ,
Но иногда отъ зноя нѣгъ
Дрожатъ усталыя рѣсницы.

Принявъ печаль изъ глазъ Мадонны,
Я знаю, въ этомъ красота,
Но черезъ мигъ влечетъ мечта,
Раскрывъ желаніямъ бутоны...

С. Раевская.

Блестятъ, какъ зеркало, пруды.
Скользятъ по водамъ лебедь тонкій.
На синей скатерти воды
лежатъ янтарныя коронки

Я вижу дѣвушку... Она
нѣжнѣ севрскаго фарфора
Сидитъ и грезитъ у окна
въ туманѣ бѣлаго убора...

Любовь ей кажется святой,
судьба рисуется загадкой.
Она отъ бабушки украдкой
цѣлуетъ лютикъ голубой.

Глядитъ, какъ знойно яркій день
ласкаетъ томную фіалку...
Недаромъ бабушка, какъ тѣнь,
все сторожитъ свою русалку.

Старушка не забыла дней
любви, восторговъ и страданья,
тѣхъ дней, когда любимый ей
шепталъ горячія признанья.

Теперь она уже стара.
Ей все равно: жить, умереть-ли...
Она сидитъ, считаетъ петли...
Давно ей отдохнуть пора.

Подъ тонкой сѣтью паутинъ
молчатъ пустынные покои.
А за окномъ цвѣтеть жасминъ,
блѣбуютъ пышныя левкои.

Блестятъ, какъ зеркало, пруды.
Въ осокѣ дремлетъ лебедь тонкій,
а на поверхности воды
лежатъ янтарныя коронки.

А. Симеонова.

А счастье улыбалось.

Е. Любарскій.

1.

Ниночка, миниатюрная, симпатичная брюнетка, съ бѣгающими игривыми глазенками и вздернутымъ носикомъ, крѣпко, крѣпко прижалась къ Колю и счастливо зашептала: „Когда ты, Коля, кончишь университетъ, а я курсы — вотъ мы тогда заживемъ! На славу заживемъ! Мы обязательно купимъ турецкую оттоманку и поставимъ ее вонъ въ томъ уголокѣ, что противъ печки. Понимаешь? По обѣимъ сторонамъ ея мы наставимъ розановъ, хризантемъ, геліотроповъ. Массу, массу цвѣтовъ! Помнишь, Коля, какъ это поется: Нашъ уголокъ я убрала цвѣтами хорошо вѣдь! Каждый день мы будемъ сидѣть на оттоманкѣ и цѣловаться, цѣловаться безъ конца“ И счастливая Ниночка въ предвкушеніи грядущаго блаженства обхватила тепленькими ручками Колину шею и застыла въ сладкомъ, сладкомъ поцѣлуѣ. А минутой спустя Ниночка беззаботно хохотала. „Ну какая я глупая“, слышалось сквозь серебристый смѣхъ. „Неужели тогда мы будемъ жить въ такой комнаткѣ. На двѣнадцатой линіи, на шестомъ этажѣ? Ни за что. Мы снимемъ квартирку маленькую, уютную, а главное свѣтлую. Такую, чтобы солнце было у насъ весь день. Вѣдь это очень важно; если у насъ будутъ дѣти...“ — „Конечно, будутъ“, полуснисходительно улынулся Коля. „А какъ ты думаешь, у насъ будутъ мальчики или дѣвочки?“ — „На это мудрено отвѣтить! Лучше всего, если бы были и тѣ и другіе“ — „По моему двѣ дѣвочки и мальчикъ. Дѣвочекъ

мы назовемъ обязательно Ниной и Тamarой, а мальчика Колей, такимъ вотъ Колусей, какъ ты!“ Ниночка положила свою головку на Колино плечо и зажмурила глазки, словно желая лучше углубиться въ свои счастливыя, полудѣтскія мечты...

— „Знаешь ли что я тебѣ скажу, Ниночка! Давай сходимъ въ Народный“ — „Въ Народный? Согласна, согласна“. Минутъ черезъ пять Коля и Нина подходили къ Народному дому, гдѣ въ тотъ день ставили „Карменъ“. „Карменъ“ — вещь вообще хорошая, но она дѣлается въ тысячу разъ интереснѣе, когда сидишь, прижавшись къ Колиному плечу и чувствуешь на себѣ упорные, порой завистливые взгляды окружающихъ. Такъ думала Ниночка и часто ея глазенки, прикованные къ сценѣ, невольно скользили взглядомъ по красивому профилю Коли и убѣгали вновь на сцену смотрѣть на чужую любовь и чужое счастье.

II.

Холодной осенней ночью безпріютный, воюющій вѣтеръ ворвался сквозь раскрытое окно въ теплое купе, принесъ съ собою тоску и ненастье и умчался вновь, холодный и безпріютный. И вновь онъ выль гдѣ-то за окномъ и его вой сливался съ лязгомъ желѣза и пыхтѣніемъ бѣшено мчащагося локомотива. Старые сосны и ели, что плотной стѣной окружили полотно дороги, съ ропотомъ смотрѣли на эту чуждую имъ вакханалію и укоризненно качали, пышными вершинами. А вѣтеръ все выль и выль!

— Кто это раскрылъ окно? Зачѣмъ?

Ниночка вздрогнула спросонья, оглядѣлась вокругъ и тяжело вздохнула. Въ ея маленькой головкѣ, не знавшей доселѣ ничего, кромѣ беззаботности и счастья, теперь ронилась такая масса мыслей и все тревожныхъ, тяжелыхъ мыслей. И всѣ эти мысли вертѣлись около одного непостижимо-труднаго вопроса „Гдѣ теперь Коля, что съ нимъ?“ Ниночка поднялась, оправила платье, задумчиво посмотрѣла на большой, красный крестъ, такъ ярко выдѣлявшійся на фонѣ темнаго платья и вышла въ коридоръ.

— „Сестрица, а сестрица!“ услышала Ниночка позади. „Что это вы такъ заспались. Смѣните меня. Ужасно устала.“ Ниночка утвердительно кивнула головкой. А сестрица, довольная подвернувшейся смѣной, быстро укладывалась спать въ купѣ, не переставая тараторить. „Во время вашего сна, сестрица, у насъ человекъ умеръ. Подобрали его санитары совсѣмъ изрубленнаго, проѣхаль бѣдняга станціи полторы да и отдалъ Богу душу. Сильно мучился!“ замѣтила сестра и сладко зѣвнула. „Умеръ человекъ“. Эти

два слова, которые прежде всегда вызывали у жизнерадостной Ниночки чувство страха и невольнаго отвращенія, теперь сдѣлались такъ обыденны, такъ прозаичны, сколько ихъ этихъ сѣрыхъ незамѣтныхъ людей умерло на ея рукахъ въ неопикуемыхъ страданіяхъ и безумной тоскѣ!

Ниночка прошла въ слѣдующій вагонъ. Въ коридорѣ повстрѣчался врачъ и остановилъ Ниночку. „Сестрица, будьте добры распорядиться о томъ, чтобы прибрали на станціи умершаго“ промолвилъ онъ и пошелъ дальше, тихо позванивая шпорами.

А вонъ и купе, то купе, гдѣ умеръ человекъ. Зиночка тихо вошла и взглянула въ лицо убитаго. Оно было совершенно изуродовано и неузнаваемо и только въ выкатившихся глазахъ застыло выраженіе невольнаго недоумѣнія, застылъ невольный вопросъ: „зачѣмъ“. И много-много сказали выкатившіеся глаза бѣдной Ниночкѣ: передъ ней лежалъ Коля.

Е. Любарскій.

Сумракъ задумчивый, сумракъ вечерній
съ неба роняетъ завѣсу волнистую.

Тѣни пуливы кружевомъ черни
тихо ложатся въ траву серебристую.

Кроткія, свѣтлыя, полныя тайны,
въ небѣ бесѣдуютъ звѣзды весеннія.

Къ пологу синему въ куполь безкрайный
тянутся тополи, словно видѣнія.

Тихо каштаны цвѣтутъ за станицей,
ночью бѣлѣютъ ихъ свѣчи вѣнчальныя...

А надъ душою скользятъ вереницей
грезы весеннія, грезы хрустальныя...

А. Симеонова.

Въ туманѣ.

(Этюдъ).

Х. Бѣлозеровъ.

Задумался старикъ Океанъ, нахмурилъ свои сѣдые брови, надвинулъ на лицо матово свинцовую сѣтку.

Такъ надвинулъ, что ни одинъ игривый лучъ, смѣющагося и нежелающаго уходить круглая сутки съ холодно-бездоннаго неба, солнца, не можетъ проникнуть сквозь нее и своимъ ослѣпительнымъ блескомъ нарушить суровыя думы нахмурившагося и посѣрѣвшаго старца.

Дремотно-широкой волной, откуда-то появляющейся и куда-то пропадающей, поднимается и опускается его неохватная грудь.

Тѣни, вызванныя надвинутой сѣткой, сгущаются, суживаясь и охватывая горизонтъ, въ незамѣтно двигающіяся и сжимающіяся, липко-непроницаемая объятія.

Вотъ остановилось ихъ неуловимое движение.

Что-то замерло.

Вдругъ — сверху, снизу, съ боковъ бросились тѣни, все охватили подъ свой покровъ... И не стало ни покойно дышущей груди великана, ни неба, ни зеленой одежды...

Всюду сѣрое, сѣрое и сѣрое ...

Это сѣрое давить, будить тревогу и порождаетъ страхъ.

Тихо.

До боли напрягается чуткость.

...Вздыхнулъ старикъ.

Крикнулъ.

Этотъ крикъ кто-то подхватилъ и унесъ...

Все стихло...

...Заговорилъ Океанъ.

Справа, слѣва, впереди и позади раздались, различные голоса и звуки.

Вначалѣ отдѣльные, ясные, но по мѣрѣ роста разговора слившіеся въ общій хаосъ, даютъ красивую гармонію диссонансовъ.

Вотъ гдѣ то близко гудитъ густой басъ, вырвавшійся изъ груди большого океанскаго парохода; ему вторитъ мягкій теноръ другого.

Издали несется вой маячной сирены.

Ей отвѣчаетъ колоколь промысловой шкуны.

Его перебиваетъ назойливо-визгливый звукъ рожка съ промысловаго баркаса и сухая дробь колотушки съ другого.

Колоколь, рожокъ и колотушка — языкъ парусныхъ мелкихъ судовъ.

Дри и зии и нь... Дри и зии и нь.

Всюду голоса десятки, сотни...

Говоритъ старикъ, ворчитъ, стонетъ, но тѣни сильнѣй и сильнѣй обнимаютъ его.

Жутко и знобко.

На бакъ *) едва замѣтно очертаніе человѣческой фигуры.

Смотришь и удивляешься — человѣкъ ли это?

Что то слишкомъ туманное и расплывчатое, но въ то же время реально-знакомое.

Бакъ — носовая часть судна.

Сигнальный звонокъ съ капитанскаго мостика. Пароходъ убавилъ ходъ.

Дри зи зи и и нь... Дри зи зи и и нь...

Пароходъ останавливается и отдается во власть тѣней и океана.

Ши у у у — присоединяетъ онъ свой голосъ къ хаотичному разговору.

Щи и у у у...

Въ этомъ звукѣ есть что-то мощное, но и въ мощи чувствуется страхъ сильнаго.

Страхъ и предупрежденіе.

Около борта собралась кучка пассажировъ. Они, какъ испуганное стадо, столпились другъ около друга, жмутся и напряженно глядятъ, стараясь что либо увидѣть.

Но всюду тѣни и тѣни...

— Вотъ, господа, въ этомъ-то туманѣ жизнь человѣческая и цыгарки не стоитъ, ораторствуетъ одинъ изъ нихъ, неопредѣленно махая рукой въ сторону моря и тумана. — Да... а, вотъ рассказывалъ мнѣ одинъ поморъ, какъ погибла шкуна „Звѣздочка“, а надо вамъ сказать—хорошая шкуна была... У аглицкихъ контрабандистовъ куплена. Подниметъ, это, паруса и заныряетъ, и заныряетъ, да какъ побѣжить! А...!

— Ну такъ что же, какъ она погибла? слышится вопросъ заданный робкимъ дрожащимъ голосомъ.

— Г.мы... да вотъ такъ... въ туманѣ... Вотъ онъ говоритъ: въ туманѣ то ничего не видно... да а... вотъ какъ теперича... къ примѣру... Тутъ свистить... Здѣсь реветъ... тамъ воетъ... Ну вотъ сбились съ панталыгу. Близко рявкнуло, отдало...: Думали справа... Повернули... Анъ—онъ то слѣва претъ... да какъ трахнетъ!.. Это полнымъ то ходомъ... Ну и ау!.. Ни одной живой души не осталось—всѣ погибли... Вотъ оно что.

— Какъ же, а онъ то—вѣдь видѣлъ что православныя души загубилъ?..

— Что онъ то... это англичанинъ то, подико, что ему до православныхъ—наперъ, трахнулъ, потопилъ, ну и дѣло съ концомъ, а самъ, подико, еще ходу надбавилъ... что бы не узналъ кто... Дошлый народецъ!

— Какъ такъ?! Вѣдь это же противъ всякихъ правилъ!

— Вотъ те правила... Какія такія правила!.. Потомъ, ну... значить и концы въ воду... А тутъ правила...

— Но почему же, какъ вы думаете?

— Почему?... по коммерціи.

— Что о?! по какой коммерціи?

— Ну да... вѣдь, не выгодно, чай, спасать-то... Спасешь—узнаютъ, кто наварзалъ... ну, вотъ, и вальнуть искъ, — потопилъ, голубчикъ, плати убытки... и пойдетъ канитель—прямо мармеладъ на маслѣ... Ну, значить, если утонуть... или и спасутся... да не узнаютъ кто... такъ и слава Богу. Страховку получаютъ да и новое судно заведутъ... Старому скажутъ: упокой Господи его душеньку и... аминь...

— Гдѣ же тутъ справедливость?

— Гдѣ? Вѣстимо въ карманѣ, а то гдѣ же?

— О, Господи!

Замолкли.

Головы понуро склонились.

Жуть разлилась по всей кучкѣ.

Голоса Океана грустно, просительно угрожаютъ, перекликаются одинъ съ другими...

Ши и у у у... Ши и у у у...

Кричитъ пароходъ.

Бьютъ склянки.

— О, Господи!.. доносится изъ той же кучки пассажировъ, туманъ то, туманъ то — стѣна!

...Съ ютовой палубы *) рѣзкимъ диссо-

*) Югъ—кормовая часть парохода.

съ землячествами должно состояться, что не притокъ денегъ въ кассу (какъ могутъ подумать нѣкоторые) является двигателемъ такого соглашения, а тѣсно единеніе Кассы съ остальнымъ студенчествомъ въ лицѣ другихъ экономическихъ организацій, единеніе—давно стоявшее въ девизѣ Кассы Взаимопомощи.

У представителей землячествъ мною было замѣчено нѣсколько теченій: одни слишкомъ детально разбирали духовную сторону предложенія Тупатилова, совершенно забывая и нарочно отбрасывая все матеріальное, другіе—говорили о слияніи съ Кассой въ двухъ отношеніяхъ: и духовномъ, и матеріальномъ; третьи—соглашались на матеріальное объединеніе, если Касса Взаимопомощи будетъ выразителемъ студенческихъ пожеланій, студенческаго духа. До сихъ поръ отмѣчали они Касса была слишкомъ холодной организаціей, организаціей далеко не на высотѣ своего званія, тѣхъ задачъ, которыя, казалось бы, стояли передъ глазами каждой студенческой организаціи. Настоящая Касса вовсе нежелательна Землячествамъ. Необходимо сначала измѣнить кореннымъ образомъ Кассу. Пренія остановились на вопросѣ о Кассѣ и отняли почти все время у засѣданія; къ этому третьему теченію примкнули и 2 остальныхъ, такъ что естественно вопросъ о слияніи перешелъ въ плоскость возможности слиянія при реорганизациіи Кассы Взаимопомощи; выяснилось, что существуетъ Уставная Комиссія, избранная на малолюдномъ общемъ собраніи Кассы (было 120 человекъ) для пересмотра стараго Устава и выработки проекта новаго. Настоящее информѣционное собраніе представителямъ землячествъ указывало на случайность состава такимъ уставомъ комиссіи, подчеркивъ крайнюю необходимость работы въ ней и представителей землячествъ, т. е. особой дополнительной комиссіи, избранной въ настоящемъ засѣданіи. Последняя могла бы быть или кооптированной in corpore въ Уставную Комиссію Кассы или работать совершенно самостоятельно, для представленія своего проекта на Общемъ Собраніи Кассы Взаимопомощи.

Послѣ долгихъ преній, главнымъ образомъ отмѣчавшемъ отрицательное отношеніе студенчества къ Кассѣ Взаимопомощи, были приняты резолюціи приблизительно такого характера:

1) Избрать сейчасъ же, на этомъ собраніи изъ представителей землячествъ и др. экономич. организацій, комиссію изъ 5 человекъ для составленія Устава Кассы Взаимопомощи, работая или совместно съ Уставомъ Комиссіей Кассы, если последняя кооптируетъ избранныхъ въ свою среду, или самостоятельно, если подобной кооптаціи не послѣдуетъ.

2) Для детализаціи вопроса о соединеніи Землячествъ съ Кассой Взаимопомощи на настоящемъ информѣционномъ засѣданіи комиссію не избирать. Подобная Комиссія будетъ избрана делегатами Землячествъ, имѣющими ясныя директивы отъ студентовъ.

3) Слѣдующее засѣданіе назначено на 25 февраля. Къ этому времени должны быть избраны делегаты на организаціонное Собраніе по вопросу о соединеніи.

4) Организаціонное Собраніе 25 февраля можетъ утвердить или переизбрать Уставную Комиссію настоящаго информѣціоннаго собранія (см. п. 1).

Въ Уставную Комиссію были намѣчены и избраны пять человекъ и 2 кандидата,

По частному предложенію информѣ. собраніе произвело летучую анкету о средствахъ землячествъ, которая дала (на основаніи 22 записокъ):

суммъ, имѣющихся на рукахъ въ	
22 землячествахъ	2142 р.
суммъ, основнаго капитала въ	
22 землячествахъ	2409 „
<hr/>	
Итого.	4551 р.

Обсужденіе этой анкеты не производилось и засѣданіе было закрыто въ 1 часу ночи.

(Личныя замѣтки) *Нелли.*

Москва.

Раздоры въ правленіи Донского землячества при Моск. Имп. Университетѣ.

Во вторникъ 10 февраля состоялось общее собраніе членовъ Донского землячества при Моск. Имп. Университетѣ. На повѣсткѣ собранія значились четыре вопроса:

- 1) Отчетъ о прошедшей вечеринкѣ,
- 2) Вопросъ о будущей вечеринкѣ,
- 3) Вопросъ о ссудной дѣятельности,
- 4) Текущія дѣла.

Отчетъ о прошедшей вечеринкѣ былъ принятъ единогласно, а также общее собраніе постановило выразить гг. устроителямъ благодарность за успешное веденіе дѣла, результатомъ чего былъ матеріальный успѣхъ.

Что же касается будущей вечеринки, то ее решено устроить на 3-ей или 5-ой недѣль поста, для чего здѣсь же была избрана концертная комиссія.

При обсужденіи вопроса о ссудной дѣятельности было выражено порицаніе ссудникамъ, занимающимъ хорошо оплачиваемыя должности и въ то же время не думающимъ возвращать ссуды, а также и членамъ, не посѣщающимъ собраній землячества.

Все обстояло благополучно до тѣхъ поръ, пока ни приступили къ обсужденію „текущихъ дѣлъ“.

Этотъ злополучный вопросъ обнаружилъ передъ всѣмъ собраніемъ раздоры, повидимому, на протяженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ происходящіе между казначеемъ и нѣкоторыми членами правленія.

Нужно замѣтить, что всякіе раздоры вообще въ общественной работѣ кромѣ вреда ничего не приносятъ; что же касается раздора на личной почвѣ, что обнаружилось въ данномъ случаѣ, то такія явленія терпимы быть не могутъ. Неудивительно, что все общее собраніе было глубоко возмущено неумѣстными выпадами противъ казначея, а нѣкоторые члены даже хотѣли выйги изъ состава землячества.

Послѣ этого приступили къ избранію театральной комиссіи, которой до этого времени землячество не имѣло.

М. С.

Какъ бороться съ дороговизною комнатъ.

Одинъ въ полѣ не воинъ — старая общепризнанная истина.

И въ данномъ случаѣ, какъ я уже говорилъ въ № 4 „Сѣвернаго Гуслияра“, единственнымъ

выходомъ можетъ быть скорѣйшее осуществленіе „студенческаго общества дешевыхъ комнатъ“.

Каждый въ отдѣльности ничего сдѣлать не можетъ.

Общество-же можетъ, во-первыхъ — путемъ организаціи студенческихъ кооперативныхъ квартиръ во-вторыхъ (если гг. домохозяева найдутъ такую комбинацію для себя не выгодно) путемъ бойкота, урегулировать этотъ вопросъ.

Когда же это общество осуществится, „комнатная горячка“, съ ежегоднымъ обѣгиваніемъ полей Москвы и безконечнымъ переплачиваніемъ на сырыхъ, темныхъ и грязныхъ комнатахъ выльется въ болѣе здоровую форму.

Весною каждый студентъ, будетъ подавать въ правленіе общества заявленія съ указаніемъ сроковъ пребыванія въ Москвѣ, а также и стоимости комнаты.

Правленіе общества въ свою очередь будетъ разгруппировывать заявленія по срокамъ и цѣнѣ, въ результатъ чего получается десятки группъ, а въ каждой группѣ сотни студентовъ съ одинаковыми требованіями.

Принимая во вниманіе стоимость свободныхъ квартиръ, а также стоимость прислуги, отопленія и прокатной (лучше купленной въ разсрочку) мебели, правленіе общества можетъ арендовать цѣлые дома, рассылая членамъ повѣстки и извѣщенія относительно подысканныхъ и меблированныхъ для нихъ квартиръ.

Такимъ образомъ уже одно это избавитъ студенчество отъ квартирохозяйскаго налога.

Метеоръ.

Р. С. Кетати, съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія считаю нужнымъ сообщить, что идея „общества студенческихъ кооперативныхъ комнатъ“ принимаетъ болѣе реальныя формы, и, по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, на-дняхъ должно состояться организаціонное собраніе.

М.

Отчетъ редакціи журнала „Съверный Гусларь“ за 1914 годъ.

За 1914 годъ вышло 7 номеровъ журнала. Чистая прибыль въ пользу семей павшихъ въ бою воиновъ отъ журнала за истекшій годъ выразилась въ такихъ цифрахъ:

№№ журнала.	ПРИХОДЪ.		РАСХОДЪ.		Чистая прибыль.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
1	1010	03	402	42	607	61
2	951	65	373	53	578	12
3	1432	01	626	19	805	82
4	930	79	411	59	519	20
5	543	88	412	70	131	18
6	629	06	400	27	228	79
7-рождест.(въ увел по ко- личест. лис- размѣрѣ).	713	53	535	69	177	84
Итого . .	6210	92	3162	39	3048	56
Передаю для распредѣленія семьямъ павшихъ воиновъ въ Больноэкономическое О-во подъ квитанцію за № 43.					1000	—
Къ 1915 году чистой прибыли числилось .					2048	56

Отвѣтств. редакт.-издатель студентъ *Александръ Васильевъ.*

Типографія М. Квара, Петрогр., Литейн. 33.

12

КНИГЪ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1915 годъ.

(3-й годъ изданія)

4 руб.

въ годъ

на ежемѣсячный литературный, научный и политическій журналъ,

„СЪВЕРНЫЯ ЗАПИСКИ“

издаваемый въ Петроградѣ.

Журналъ „Съверныя Записки“ отражаетъ и освѣщаетъ культурныя и политическія явленія, волнующія современную демократію, отстаивая тѣ теченія въ области мысли и жизни, которыя несутъ въ себѣ высшія культурныя цѣнности и начала свободнаго развитія общественности.

Въ 1915 году журналъ будетъ издаваться по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ въ отдѣлахъ художественной литературы (беллетристика, стихи), литературной критики, искусства, театра, науки, философіи, религіи, политики, народнаго хозяйства.

Всестороннее разсмотрѣніе проблемъ, выдвигаемыхъ міровой борьбой—вотъ задача, которую поставилъ себѣ журналъ съ самаго возникновенія войны. Согласно этой задачѣ, „Съв. Зап.“ и въ 1915 г. особое вниманіе будутъ удѣлять великимъ потрясеніямъ и испытаніямъ, переживаемымъ въ настоящее время человѣчествомъ, освѣщая въ рядѣ статей политическую, социальную, психологическую, культурную и др. стороны развертывающихся событій.

ВЪ ЖУРНАЛЪ УЧАСТВУЮТЪ:

Н. Д. Авксентьевъ, Анна Ахматова, Ю. Балтрушайтисъ, К. Бальмонтъ, П. И. Бирюковъ, І. М. Бивверманъ, І. М. Брюсова, А. С. Бѣлоруссовъ, А. Блокъ, С. И. Бондаревъ, Н. Я. Быховскій, М. А. Брагинскій, Л. М. Брамсонъ, И. К. Брусиловскій, А. Ю. Блохъ, Ив Бунинъ, В. В. Водовозовъ, Иванъ Вольный, В. К. Вольскій, А. Герцыкъ, А. Г. Горнфельдъ, С. М. Городецкій, Любовь Гуревичъ, М. Ф. Гнѣсинъ, Н. Л. Геккеръ, Н. С. Гулиевъ, П. К. Губеръ, А. Я. Гуревичъ, В. Я. Гуревичъ, Ю. Делевскій, чл. Гос. Думы В. И. Дзюбинскій, В. М. Жирмунскій, Борисъ Зайцевъ, Д. О. Заславскій, С. Ф. Знаменскій, С. А. Золотаревъ, проф. Ф. Ф. Зѣлинскій, И. И. Игнатовичъ, Дм. Илимскій, В. Г. Каратыгинъ, Ф. Ф. Караянидисъ, В. Керженцовъ, А. А. Кипень, Н. Н. Киселевъ, Д. М. Койгинъ, И. И. Крыжановскій, чл. Гос. Думы, А. Ф. Кернскій, С. А. Клычковъ, М. А. Кузминъ, Н. Ключевъ, Григорій Ландау, проф. И. И. Лапшнъ, О. Я. Ларикъ, И. Е. Лаврентьевъ, Н. С. Лейнеръ, К. А.

Липскеровъ, С. О. Марголинъ, Н. Г. Машковцевъ, Н. А. Морозовъ, С. Мстиславскій, Н. С. (И. И. Добровольскій), Н. С. Недоброво, П. А. Нилусъ, А. С. Новиковъ, проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовскій, Н. П. Огановскій, С. Я. Парнокъ, М. Пришвинъ, Н. Н. Пунинъ, Мих. Павловичъ, А. Н. Римскій-Корсаковъ, А. М. Ремизовъ, О. Б. Румеръ, А. И. Рубинъ, Борисъ Садовской, Я. Л. Сатеръ, С. Н. Сергѣевъ-Ценскій, А. Серафимовичъ, В. Б. Стенкевичъ, Янъ Страуянъ, Е. Сталинскій, Ф. А. Степунъ, И. Сургучевъ, В. А. Табуринъ, проф. Е. В. Тарле, Л. М. Толмачева, К. А. Треневъ, проф. М. И. Туганъ-Барановскій, Я. А. Тугѣндхольдъ, Поль Фаргъ (Царижъ), Л. Б. Хавкина, М. С. Шагинянъ, Н. Л. Шапиръ, Ив. Шмелевъ, В. К. Шмидтъ, П. Ю. Шмидтъ, Б. М. Эйхенбаумъ, М. А. Энгельгардъ, Б. М. Энгельгардъ, А. П. Чапыгинъ, С. И. Чацкина, Б. М. Черниковъ, проф. Е. Н. Щепкинъ, Б. Яковенко и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ

годъ.

6 мѣс.

3 мѣс.

съ достав. и пересыл. 4 р.

2 р. 50 қ.

1 р. 25 қ.

Принимается подписка: въ Главной конторѣ журнала: Петроградъ, Загородный пр., 21/13; въ крупныхъ книжн. магаз. и во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ.

Книжные магазины за комиссію удерживаютъ 10%.

Издательница С. И. Чацкина.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ

на еженедѣльный литературно-художественный и научный журналъ
молодой надпартийной интеллигенціи

„СЪВЕРНЫЙ ГУСЛЯРЪ“

издаваемый студенчествомъ, чистая прибыль отъ продажи котораго
идеть на помощь семьямъ павшихъ въ бою воиновъ,

Цѣли и задачи журнала. Зародившись въ тяжелую эпоху общественнаго перелома, — журналъ „Сверный Гусярь“, какъ органъ выступающей въ жизнь молодой надпартийной интеллигенціи, переросшей узкія рамки партийности и кружковщины съ ихъ односторонними жизненными принципами, имѣетъ своей цѣлью:

- 1) объединить ищущихъ, задыхающихся подъ балластомъ программныхъ предписаній, стремящихся къ новой жизни, но еще не успѣвшихъ освободиться отъ обаянія прежнихъ фетишей;
- 2) способствовать всестороннему раскрытію личности;
- 3) выявленію самобытности въ литературѣ;
- 4) отыскать пути къ новому лучшему будущему за гранью перелома;
- 5) дать возможность на почвѣ трудовой кооперации заработать неимущимъ учащимся.

Поставивъ себѣ цѣлью объединеніе молодой надпартийной интеллигенціи, редакция не могла въ тоже время не откликнуться и на насущнѣйшіе вопросы дня, а поэтому ближайшей задачей явилось отчисленіе въ пользу семей павшихъ въ бою воиновъ всей чистой прибыли отъ продажи журнала „Сверный Гусярь“. Но подобная мѣра временная и, по минованіи въ ней надобности, чистый доходъ отъ журнала будетъ поступать въ фондъ студенческой организаціи во главѣ съ редакціей „Сверный Гусярь“. Эта организація, проектъ устава которой разрабатывается, имѣетъ цѣлью: устройство лекцій, экскурсій, помощь духовную и матеріальную

Въ текущемъ 1915 году годовые подписчики получаютъ 52 номера журнала, заключающаго въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: руководящія статьи, социально-философскій, литературно-художественный, критика и библиографія, жизнь школь.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ—5 р. 6 мѣс.—2 р. 50 к. 3 мѣс.—1 р. 25 к. За границу на годъ—8 р. на 1/2 года 4 руб. Допускается коллективная подписка по 42 к. ежемѣсячно. Лицо, собравшее коллективную

подписку не менѣе 20 человекъ, получаетъ съ общей подписной суммы, или 5% скидки, или бесплатно журналъ. За подробностями о коллективной подпискѣ просить обращаться въ редакцію.

Цѣна объявленій: На 2, 3 и 4-й стр. обложки, 1 стр.—40 р., 1/2 стр.—20 р. 1/4—10 р. строка петита 30 к. Позади текста: 1 стр.—25 р. 1/2 стр.—15 р. 1/4 стр.—8 р.; строка петита—20 коп.; годовымъ, скидка по соглашенію.

4 При всякомъ сношеніи съ редакціей необходимо прикладывать на отвѣтъ марку. Въ противномъ случаѣ отвѣтъ для редакціи необязателенъ.

Подписка принимается въ главной конторѣ: Петроградъ, Б. Зеленина д. 8. кв. 20, а также въ книжныхъ магазинахъ: Попова—Невскій 66. „Жизнь“ Петр. ст. Б. прос. д. 3, „Новый путь“ Петр. ст. Б. пр. д. 1, книжный магазинъ „Учитель“ Больш. пр. (Петр. стор.) д. 4, книжный маг. Вас. Остр. Больш. пр. д. 2/18. Вольфа—Невскій 13, „Новое время“ Невскій 40, Карбасникова—Гост. Дворъ 19 и въ отдѣл. конторы при типогр. Литейный пр. 33.

Пробный № высылается за 2 семикопеечныя марки.

Отвѣт. Ред. Изд. студентъ А. Васильевъ.

Съ 15 февраля 1915 года въ Москвѣ открыто отдѣленіе конторы и редакціи журнала „Сѣверный Гусларь“. Т.т., желающихъ принимать участіе въ нашемъ журналѣ, просимъ направлять весь матеріаль по адресу: Москва, Б. Полашевскій, д. 5, кв. 1. Д. Д. Зеленскому.

Журналъ продается въ Москвѣ въ магазинахъ: „Русское Слово“—Тверская 48, Карбасникова—Моховая, Студенческое Издательство—Моховая, „Высшая Школа“—Полянка. А также въ кассѣ при столовой „Общество студентовъ и курсистокъ“, на Дѣвичьемъ Полѣ.

Просимъ сочувствующихъ намъ присылать въ редакцію—рукописи, рассказы, стихи, статьи на разныя темы, хронику высшей школы, иллюстраціи и проч.

Рукописи должны быть написаны на одной сторонѣ листа и, по возможности, четко,—подписаны и снабжены адресомъ, безъ чего печататься не будутъ. Безъ обозначенія гонорара рукописи считаются безплатными.

О принятыхъ для напечатанія редакція сообщаетъ письменно. Возвращеніе непринятыхъ рукописей для редакціи необязательно.

Редакція проситъ нуждающихся т. т.—студентовъ и курсистокъ вступать въ число продавцовъ журнала. Объ условіяхъ справится въ редакціи отъ 5—9 ч. вечера.

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ

Условія подписки на 1915 годъ. Съ доставкой и пересылкой на 12 м. въ Россіи 10 р. за границу 20 р. 11 м. 9 р. 50 к.—19 р. 10 м. 9 р.—17 р. 50 к., 9 м. 8 р. 50 к.—16 р. 8 м. 7 р. 50 к.—14 р. 50 к., 7 м. 6 р. 50 к.—13 р. 6 м. 5 р. 50 к.—11 р. 50 к., 5 м. 5 р.—10 р., 4 м. 4 р.—8 р. 3 м. 3 р.—6 р., 2 м. 2 р.—4 р., 1 м. 1 р.—2 р. Подписка считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца. При подпискѣ слѣдуетъ точно указать, съ какаго мѣсяца высылать газету. Газета выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣ воскресеній и двенадцатыхъ праздниковъ. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка платежа: для служащихъ по третямъ, чрезъ ихъ казначеевъ, для частныхъ лицъ: 5 руб. при подпискѣ, 3 руб. къ 1 мая и 2 р. къ 1 сентября. Не внесшимъ въ срокъ денегъ высылка газеты прекращается. О желаніи разсрочки платежа должно быть заявлено при высылкѣ перваго взноса. При высылкѣ денегъ почтовыми переводами должно указать на самомъ переводѣ (а не отдѣльнымъ письмомъ), на что присланы деньги. Народныя школы, недостаточные крестьяне, православное духовенство девяти западныхъ, Привислинскихъ, Балтійскихъ и Финляндскихъ губерній и сельское духовенство остальной Россіи платятъ за годъ 8 руб., за полгода 4 руб. 50 коп. За перемѣну адреса взимается каждый разъ 40 коп. Подписка принимается: въ конторѣ Редакціи Москва, Тверская, Пименовскій пер., д. Молчанова, кв. 23, въ Петроградѣ—въ конторѣ Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К^о, Морская, 11, во всѣхъ книжныхъ магазинахъ; въ Парижѣ—Agence Navas, Place de la Bourse. Розничная продажа №№ Московскихъ Вѣдомостей въ Петроградѣ производится: на вокзалахъ Николаевской, Варшавской и Царскосельской жел. дор. Стоимость отдѣльныхъ №№ Моск. Вѣд. 5 коп. Редакторъ издатель *Б. В. Назаревскій.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 г.

на ежедневную политическую и общественно-литературную газету

„Рязанскій Вѣстникъ“

XIII-й годъ изданія.

Направление газеты прогрессивное.

Редакція ставитъ своей задачей ознакомленіе читателей со всѣми выдающимися событіями и проявленіями общественной жизни какъ въ Россіи, такъ и за границей и въ особенности возможно широкое освѣщеніе мѣстной жизни. Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ—5 р. 5 к., 1/2 года—3 р. 5 к., на 3 мѣс.—1 р. 85 к.; на 1 м.—70 к. Для облегченія взноса подписной платы для годовыхъ подписчиковъ можетъ быть допущена разсрочка: при подпискѣ 3 р., и къ 1 мая 2 р. Лицамъ, не внесшимъ къ 1 мая означенной суммы, высылка газеты будетъ прекращена. Плата за объявленія впереди текста 20 коп. со строки петита, или за мѣсто занимаемое ею, сзади текста—10 коп., среди текста—30 к. При многократномъ печатаніи дѣлается значит. скидка. Разсылка при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, пр.-кур. и т. п. вѣсомъ не болѣе 1 лота, по 5 р. за 1000 экземпляровъ. Адресъ редакціи, конторы и собственной типографіи: г. Рязань, Липецкая ул. д. Гавриловой

Редакторъ-издатель *В. Н. Розановъ.*

1 р. 90 к.

Безъ доставки.

Восьмой годъ изданія

НОВЫЙ

2 р. 20 к.

Съ дос. и перес.

ЖУРНАЛ ДЛѢ ВСѢХ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 г.

ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЪ ЕЖЕМѢСЯЧНО
въ объемѣ 4—5 печ. листовъ (въ 130—140 стр.).

Въ связи съ переживаемымъ временемъ въ журналѣ будетъ особое вниманіе обращено на: 1) **ВОЕННО-МОРСКОЙ ОТДѢЛЪ**, вести который будетъ проф. Никол. Морской Акад. Н. Л. Кладо (Прибой) и 2) **ОТДѢЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ**, подъ руководствомъ пом. хран. музеевъ Императорской Акад. Худ. С. К. Исакова.

Журналъ будетъ иллюстрироваться оригинальн. рисунк., фотограф., виньетками карикатурами.

ДЛЯ КАЖДАГО НОМЕРА БУДЕТЪ ДАВАТЬСЯ НОВАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ОБЛОЖКА.

Журналъ будетъ освѣщать всѣ явленія общественной, экономической и политической жизни. Широко будутъ поставлены отдѣлы беллетристики, научно-популярн., критич. и худож.

Подписчики получаютъ по окончаніи войны Карту новыхъ границъ европейскихъ государствъ въ краскахъ.

ПРОБНЫЙ НОМЕРЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ ЗА ДВѢ 10 К. МАРКИ.

Подписная цѣна: съ перес. **2 р. 20 к.**, на 1/2 г.—1 р. 20 к. Безъ перес. на годъ—1 р. 90 к.

Для сельскихъ учителей, священник., рабочихъ и крестьянъ допускается разсрочка: 80 к. при подпискѣ, 80 к. къ 1 марта и 60 к. къ 1 июля.

АДРЕСЪ ДЛѢ ПЕРЕВОДОВЪ:

Контора и Редакція: ПЕТРОГРАДЪ, Эртелевъ пер. (близъ Жуковской), д. 3. Телеф. 107-88.
Редакторъ-Издатель *А. Боане-Яворовская.*

Для удобства публики журналъ продается у газетчиковъ.